В номере:

Концепция развития
Владивостокской агломерации

Традиционное хозяйство
коренных малочисленных народов
дальневосточного Севера

Сотрудничество России со странами АТР

Регионалистика

2017 Том 4 № 2

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований

Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.

Свидетельство Эл № ФС77-57151

Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.

Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2017

Редакционная коллегия

Главный редактор: А.Н. Демьяненко,
д-р геогр. наук, профессор

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук С.Н. Найденов (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук О.М. Прокапало (заместитель главного
редактора, Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)

проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)

канд. экон. наук А.П. Горюнов (Хабаровск, Россия)

канд. полит. наук А.А. Киреев (Владивосток, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

Редакционный совет

Председатель: П.А. Минакир,
академик РАН

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)

чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)

чл.-корр. РАН В.И. Сулов (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)

д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)

д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)

д-р экон. наук А.В. Островский (Москва, Россия)

д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)

д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА →

Демьяненко А.Н.

Российское экономическое пространство:
диалектика процессов интеграции и дезинтеграции 5

Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т.

Основные положения Концепции социально-экономического
и территориального развития Владивостока на новом этапе 11

Леонов С.Н., Шеварёва Я.С.

Проблемы и перспективы развития традиционных видов хозяйственной
деятельности коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока 26

Дёмина Я.В.

Торговое и инвестиционное сотрудничество России и стран Восточной Азии 46

СООБЩЕНИЕ →

Минакир П.А., Дёмина О.В.

Россия в АТР: развитие и сотрудничество в энергетике 54

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF →

Demyanenko A.N.

Russian Economic Space: Dialectics of Integration and Disintegration Processes..... 5

*Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T.*The Main Statements of the Concept of Social, Economic and Territorial
Development of Vladivostok at a New Stage 11*Leonov S.N., Shevareva Ya.S.*Problems and Prospects of Development of Traditional Economic Activities
of Indigenous People of Russian Far Eastern North..... 26*Dyomina Ya.V.*

Trade and Investment Cooperation between Russia and East Asian Countries..... 46

MESSAGE →

Minakir P. A., Dyomina O.V.

Russia and the Asia-Pacific Countries: Development and Cooperation in the Energy Sector 54

**ДЕМЬЯНЕНКО
Александр
Николаевич**

Доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**DEMYANENKO
Alexander
Nikolaevich**

Doctor of geography,
professor, chief researcher
Economic Research

Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demyanenko@ecrin.ru

УДК 330

**РОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО: ДИАЛЕКТИКА
ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ
И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ**

В статье рассмотрены некоторые причины и следствия процессов интеграции, дезинтеграции и фрагментации в экономическом пространстве России. Затрагиваются проблемы существования в национальном экономическом пространстве конгломератных структур и формирования анклавных экономических систем.

Экономическая интеграция, дезинтеграция, фрагментация, экономическое пространство, конгломератные экономические структуры, анклавная экономика

**RUSSIAN ECONOMIC SPACE:
DIALECTICS OF INTEGRATION
AND DISINTEGRATION PROCESSES**

Some reasons and consequences of integration disintegration and fragmentation processes in the economic space of Russia are considered in the article. The problems of the existence of conglomerate structures in the national economic space and the formation of enclave economic systems are touched upon.

Economic integration, disintegration, fragmentation, economic space, conglomerate economic structures, enclave economy

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ № 16-02-00300 «Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России».

© Демьяненко А.Н., 2017

Обычно в экономической литературе «интеграция» (или, точнее, «экономическая интеграция») независимо от того, определяется она как процесс или состояние, рассматривается в контексте взаимодействия национальных экономик¹. При этом в исследовательском фокусе находятся институты, в первую очередь – правила игры, направленные на устранение дискриминации между отдельными государствами.

И хотя обычно в литературе акцент делается на исследовании интеграционных процессов, полагаю, что более продуктивно рассматривать одновременно, насколько это возможно, и интеграцию, и дезинтеграцию. Ибо друг без друга они просто в реальной экономике не существуют. В этой связи представляется слишком упрощённым представление о том, что интеграция по определению – хорошо, а вот дезинтеграция – плохо.

Более десяти лет тому назад в совместной публикации автора с П.А. Минакиром высказывалось следующее мнение: «Интеграция не является монотонным процессом. Она подвержена изменениям во времени. На различных этапах эволюции глобальной, национальной, региональной или местной экономики интеграция может сменяться дезинтеграцией» [7, с. 17]. То есть процесс формирования пространственных систем при определённых условиях может сменяться процессом их разбиения на части. Этому мнению автор придерживается и в настоящее время. Более того, при определённых условиях может иметь место переход от дезинтеграции к фрагментации экономического пространства (ЭП). Но о фрагментации попозже, а сейчас лишь отметим, что в недавнем российском прошлом такая смена интеграции и дезинтеграции происходила неоднократно. Так, в ходе радикальных рыночных реформ конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. произошли существенные нарушения в системе механизмов, поддерживающих необходимый для сохранения единого ЭП уровень межрегионального взаимодействия. Существовал целый ряд факторов, оказывавших влияние на дезинтеграцию ЭП в указанный период, и здесь можно было бы долго рассматривать многочисленные проявления их действия в пределах конкретных регионов и в общенациональных масштабах².

Но смена интеграции и дезинтеграции характерна не только для национального экономического пространства. За последние полтора столетия достаточно явно прослеживается своеобразная цикличность и на уровне мирового хозяйства: период усиления интеграционных процессов (с середины XIX в. и до начала Первой мировой войны) сменяется периодом дезинтеграции (1914–1945 гг.), который вновь сменился усилением экономической интеграции в период после Второй мировой войны. Но судя по тому, как в последние десятилетия набирает силу регионализация, можно предположить, что дезинтеграция – не за горами.

Конечно, каждый новый виток интеграции, на каком бы иерархическом уровне мы бы её ни рассматривали, не является простым воспроизводством предшествующей системы экономических связей. Главная особенность современной интеграции заключается в том, что это – регулируемый процесс, осуществляемый с помощью как государственных, так и надгосударственных институтов.

Ещё одна особенность, которая всё ярче проявляется в последние десятилетия и опять-таки на различных иерархических уровнях ЭП – усиление воздействия внеэкономических факторов на экономическую интеграцию.

¹ Жанр рубрики «От главного редактора» не предполагает погружения в теоретические дебри, поэтому автор посчитал возможным ограничиться указанием на то, что он, как и Б. Баласса [1], рассматривает экономическую интеграцию и как процесс, и как состояние. Это во-первых. А во-вторых, экономическая интеграция может существовать в нескольких формах, соответствующих нескольким ступеням объединения.

² Однако этот вопрос подробно освещён в целом ряде публикаций, из числа которых автор посчитал возможным выделить [6].

Наконец, обратим внимание читателя ещё на одно обстоятельство: удивительно, но «экономическая интеграция» (сюжет столь популярный в исследованиях проблем глобальной экономики) сходит на нет, когда в исследовательском фокусе оказываются регионы – пространственно обособленные части национальной экономики¹.

Возможно, это есть отражение широко распространённого мнения, согласно которому институциональные режимы, обеспечивающие поведение экономических агентов в пределах регионов, коль последние – часть национальной экономики, не могут быть радикально отличными. Отсюда следует, что одним из необходимых условий формирования и успешного функционирования национального экономического пространства является унификация правил игры, а всякие «особенности», присущие тем или иным регионам, есть «родимые пятна», которые следует если и не «изживать», то, как минимум, преодолевать. Причём совершенно не важно, каков генезис этих «особенностей»: являются ли они следствием неравномерного развития отдельных районов, или же они – порождение неэффективной региональной политики государства, то есть, в конечном счёте, неэффективных институтов.

Наверное, и такой подход имеет право на существование. Но более продуктивным представляется подход, в рамках которого разнообразие – это не проблема, но возможность. Причём возможность, которая (во всяком случае, применительно к современным российским реалиям) трудно поддаётся и выявлению, и оценке [2].

На первый взгляд, всё вышесказанное имеет сугубо теоретическое звучание, но только на первый взгляд. Ибо пространственное разнообразие условий самым непосредственным образом связано с такими ключевыми вопросами региональной политики, как проблема регионального неравенства, а следовательно, и с проблемой выбора инструментов её решения. При этом как-то остаётся вне рассмотрения то, что *«пространственное развитие всегда неравномерно»*, – это его объективное свойство» [3, с. 8]. И уже в силу этого даже самая что ни на есть эффективная региональная политика не может отметить этого свойства ЭП. Смягчить – да, отменить – нет.

Но и это ещё не всё: неравномерность развития отдельных частей ЭП имеет непосредственное отношение и к проблеме обеспечения целостности ЭП. И здесь мы опять возвращаемся к «экономической интеграции», которую мы в контексте межрегиональных и внутрирегиональных взаимодействий трактуем как соединение частей (регионов) в единое целое, то есть национальное ЭП.

Но говоря об интеграционных процессах, мы имеем в виду, что имеют место и дезинтеграционные процессы, и что процессы интеграции и дезинтеграции – две стороны одной медали. Именно они, в конечном счёте, и формируют то, что принято называть пространственными экономическими системами.

При этом дезинтеграционные процессы, в отличие от интеграционных, имеют явно негативную коннотацию. Считается, что экономическая интеграция есть благо по определению, тогда как дезинтеграция (а тем более фрагментация) есть опять-таки по определению нечто, как минимум, нежелательное. Поэтому регулятивная деятельность государства (а в последние десятилетия – и надгосударственных властных структур) ориентирована на создание условий для развития интеграции и в то же время – на предотвращение дезинтеграционных процессов. Это, в свою очередь, предполагает, что пространственные экономические системы являются если и не единственно возможной формой организации экономической деятельности, то, во всяком случае, желательной.

¹ Кстати, и на это обстоятельство указывалось в уже упоминавшейся работе [7]. С тех пор мало что изменилось. И причина кроется, скорее всего, в излишней политизированности в современных российских реалиях вопросов дезинтеграции и фрагментации национального экономического пространства.

Рискну предположить, вслед за В.П. Семёновым-Тян-Шанским, что «районы живут и видоизменяются в пространстве» [8, с. 16]. И что в ходе этих изменений происходит не только слияние районов в системы всё большей размерности, но и их разбиение, в ходе которого на месте одного района формируются два и более новых района.

Если иметь в виду только экономические пространственные системы (экономические районы), то причин тому может быть множество. В частности, хотя бы в силу того, что рост масштабов экономической деятельности приводит на определённом этапе к качественному скачку сложности в уже существующей системе, а это неизбежно влечёт за собой рост издержек, связанных с поддержанием связей между элементами системы (фирмами, домохозяйствами, институтами). Иначе говоря, как только издержки, связанные с поддержанием внутрисистемных связей превышают выгоды, получаемые от эффекта масштаба, агенты во всё большей мере становятся склонными к формированию новой организации пространственных взаимодействий.

Впрочем, может быть и другой сценарий развития событий – качественные изменения в структуре экономики района. Таковые могут иметь как эндогенную, так и экзогенную природу. В этом случае район, используя вновь обретенные ресурсы и возможности локализованных в районе экономических агентов, а также институты, преобразует и свою территориально-отраслевую структуру, и систему межрегиональных взаимодействий.

Но было бы большим упрощением представлять экономическое пространство как состоящее исключительно из экономических пространственных систем, то есть экономических районов различного таксономического уровня, находящихся на разных фазах своего жизненного цикла. По мнению автора, словосочетание «пространственные экономические системы» требует известной осторожности в его применении¹. Более того, есть основания полагать, что наряду с пространственными системами, то есть с пространственными экономическими образованиями, в рамках которых благодаря взаимодействию экономических агентов происходит формирование синергетических эффектов, нередко встречаются и пространственные образования, не обладающие системными свойствами. Вслед за В.Н. Лексиным и А.Н. Швецовым будем обозначать последние как конгломератные структуры. В самом общем виде их происхождение можно представить следующим образом:

- во-первых, конгломератные структуры – это «бывшие» пространственные системы, потерявшие по тем или иным причинам системные качества (катастрофы природного, техногенного или социального характера);
- во-вторых, это «будущие» системы, то есть некая совокупность экономических агентов, обладающая системным потенциалом, который в силу тех или иных причин не реализован.

Независимо от того, каковы источники, приведшие к формированию конгломератных структур, они могут существовать достаточно долго, и в этом отношении – не отличаться от пространственных систем. При этом само нахождение в экономическом пространстве конгломератных структур можно рассматривать как потенциальную угрозу его целостности, то есть фрагментации.

Завершая текст, автор не мог не остановиться (хотя и очень кратко) на последних новациях в экономике Дальнего Востока, а именно на ТОР (или ТОСЭР). Обозревая публикации, имеющие отношение к упомянутым новациям, невольно обращаешь внимание на два обстоятельства.

¹ И здесь автор в полной мере разделяет позицию В.Н. Лексина и А.Н. Швецова: «применительно к территориальным образованиям широкое использование понятия «система» требует определённой осторожности» [5, с. 25].

Первое – желание как можно шире растиражировать этот инструмент региональной политики уже не только на Дальнем Востоке, но и по всей стране.

Второе – полное отсутствие внимания к тому, каким образом экономический рост будет распространяться на прилегающие территории.

Такая ситуация может (хотя и необязательно) привести к формированию анклавной экономики на всё больших территориях, особенно – восточных районов страны. И здесь будет уместным привести мнение В.А. Крюкова, с которым автор всецело солидаризируется: «Анклавная экономика не даёт желаемых результатов, если она всецело ориентирована «на себя», в пределах ограниченной территории, вне связи с окружающим её регионом и страной в целом» [4, с. 3–4].

Естественно, далее следует неизбежный вопрос: что делать? И опять обратимся к вышеупомянутой статье В.А. Крюкова: «Остро необходим качественно новый – интеллектуальный – подход к формированию экономики анклавов и встраиванию их в экономику окружающих регионов и страны в целом. Стремление решать задачи с помощью только циркуля и линейки (в экономике – учётной ставки процента и манипулирования обменным курсом) не может дать так необходимых востоку России и всей стране позитивных экономических результатов» [4, с. 4].

Что к этому можно добавить? Наверное, много чего. Но ограничимся лишь следующими соображениями. Во-первых, для того, чтобы уйти от технологий «циркуля и линейки», следует для начала понять, что нет универсальных рецептов обеспечения экономического роста ни в стране в целом, ни в отдельных её регионах. Во-вторых, если мы декларируем, что желаем сформировать такое экономическое пространство, которое будет адекватно целям модернизации российской экономики и её регионов, то неплохо было бы на систематической основе проводить исследования, имеющие целью определение своеобразия регионов.

Только в этом случае появится возможность понять то, какие интеграционные и дезинтеграционные процессы желательны, а какие – нет. И тем самым предотвратить нежелательные последствия анклавной экономики, которая, на каком бы иерархическом уровне она не проявлялась, в конечном счёте работает на фрагментацию экономического пространства.

Список литературы

1. Баласса Б. Экономическая интеграция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 220–232.
2. Демьяненко А.Н. Внутрирегиональное разнообразие как фактор модернизации экономического пространства Дальнего Востока // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 2. С. 6–20. DOI: 10.14530/reg.2015.2
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
4. Крюков В.А. «Квадратура» анклавной экономики // ЭКО. 2017. № 2. С. 2–4.
5. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2000. 368 с.
6. Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
7. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическая интеграция в территориальном аспекте // Экономическая интеграция: пространственный аспект / Общ. ред. П.А. Минакира. М.: Экономика, 2004. С. 14–26.
8. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1928. 311 с.

References

1. Balassa B. Economic Integration. In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. Ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. Moscow, 2004. Pp. 220–232. (In Russian)
2. Demyanenko A.N. Intraregional Diversity as a Factor in the Modernization of the Economic Space of the Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 2. Pp. 6–20. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2015.2
3. Zubarevich N.V. *Russian Regions: Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow, 2010. 160 p. (In Russian)
4. Kryukov V.A. The «Square» of Enclave Economy. *EKO* [ECO]. 2017. No. 2. Pp. 2–4. (In Russian)
5. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development*. Moscow, 2000. 368 p. (In Russian)
6. Minakir P.A. *System Transformations in Economy*. Vladivostok, 2001. 536 p. (In Russian)
7. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Economic Integration in Territorial Aspect. In: *Economic Integration: Spatial Aspect*. Ed. by P.A. Minakir. Moscow, 2004. Pp. 14–26. (In Russian)
8. Semyonov-Tyan-Shansky V.P. *Rayon and Country*. Moscow – Leningrad, 1928. 311 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Демьяненко А.Н. Российское экономическое пространство: диалектика процессов интеграции и дезинтеграции // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 2. С. 5–10. DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

For citing:

Demyanenko A.N. Russian Economic Space: Dialectics of Integration and Disintegration Processes. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 5–10. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

БАКЛАНОВ
Пётр
Яковлевич

Академик РАН, профессор,
доктор географических наук,
научный руководитель, глав-
ный научный сотрудник
Тихоокеанский институт
географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7
Владивосток, Россия,
690041

BAKLANOV
Peter
Yakovlevich

Academician of the RAS,
professor, doctor of
geography, scientific director,
chief researcher

Pacific Institute of
Geography FEB RAS,
7, Radio Street,
Vladivostok, Russia, 690041

pbaklanov@tig.dvo.ru

© Бакланов П.Я.,
Мошков А.В.,
Романов М.Т., 2017

УДК 332.1 + 91

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВЛАДИВОСТОКА НА НОВОМ ЭТАПЕ

В статье сформулированы авторские представления об общих положениях Концепции социально-экономического и территориального развития Владивостока и его агломерации в долгосрочной перспективе с учётом складывающихся экономических и геополитических условий. Рассматриваются и оцениваются основные факторы развития города и агломерации, их конкурентные преимущества, обозначаются целевые ориентиры и основные приоритеты, а также формулируются основные функции Владивостока.

Концепция развития, факторы развития, конкурентные преимущества, контактные функции, Владивосток, Дальний Восток России, АТР

THE MAIN STATEMENTS OF THE CONCEPT OF SOCIAL, ECONOMIC AND TERRITORIAL DEVELOPMENT OF VLADIVOSTOK AT A NEW STAGE

Taking into account the developing economic and geopolitical conditions, the author's views about the general statements of the concept of social, economic and territorial development of Vladivostok and its agglomeration for the long-term period are formulated. The main factors of development of the city and agglomeration, their competitive advantages and drawbacks are considered and estimated; target orienting points and basic priorities for new conditions are designated. The basic functions of Vladivostok are also formulated.

Concept of development, development factors, competitive advantages, contact functions, Vladivostok, Russian Far East, Asian-Pacific Region

МОШКОВ
Анатолий
Владимирович

Доктор географических наук,
заведующий лабораторией,
главный научный сотрудник
Тихоокеанский институт
географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7
Владивосток, Россия, 690041

MOSHKOV
Anatoly
Vladimirovich

Doctor of geography,
head of laboratory,
chief researcher
Pacific Institute of
Geography FEB RAS,
7, Radio Street,
Vladivostok, Russia, 690041

mavr@tig.dvo.ru

Введение

Проблемы социально-экономического и пространственного развития Владивостока – в числе особо актуальных и для властей, и для местного населения уже в течение нескольких десятилетий. Изначально эти проблемы актуализировались в связи с политико-экономическими преобразованиями в стране в 1990-е – начале 2000-х гг. и изменениями в связи с этим статуса города. В последующем внимание к проблемам развития Владивостока и прилегающих территорий усилилось в связи с наметившимся трендом на «разворот» России на Восток и «особой» ролью Владивостока в достижении этих целей. На всех этапах политико-экономических изменений в стране и настроений в обществе город активно реагировал разработкой очередной концепции, стратегии или программы своего развития. При разработке всех этих документов учитывались факторы развития Владивостока, определяющим из которых, несомненно, является его уникальное экономико-географическое положение (ЭГП) в контактной зоне России с динамично развивающимися странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно этот фактор (ЭГП) обуславливает тенденцию в развитии Владивостока – с учётом интересов федерального центра, Дальнего Востока в лице Минвостокразвития, Приморского края, собственных интересов города и населения – на его всё больший «разворот» на Восток. Исходя из этого в данной работе и формулируются основные положения и принципы Концепции развития Владивостока (далее – Концепция), цель и приоритеты, определяются основные функции города на долгосрочную перспективу.

Основные положения Концепции

Разработкой концепции (то есть общих идей и направлений) социально-экономического развития Владивостока и прилегающих к нему территорий в новых политико-экономических условиях вплотную начали заниматься уже в начале 1990-х гг.¹ В последующем эти концепции в целом «увязывались» со стратегиями развития Приморского края², с концепцией и программой развития всего Дальневосточного регио-

¹ Перспективы развития города Владивостока (материалы к концепции развития г. Владивостока до 2010 г.). Ч 1. Народнохозяйственная специализация города. Население и трудовые ресурсы, система жизнеобеспечения. Владивосток, 1990. 197 с. Большой Владивосток. Концепция экономического развития Южного Приморья. Владивосток, 1991. 40 с.

² Закон Приморского края № 324-КЗ 20 октября 2008 г. «О стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 года» (в редакции закона Приморского края № 256-КЗ от 3 октября 2013 г.).

РОМАНОВ
Матвей
Тихонович

Доктор географических наук,
главный научный сотрудник
Тихоокеанский институт
географии ДВО РАН,
ул. Радио, 7
Владивосток, Россия, 690041

ROMANOV
Matvey
Tikhonovich

Doctor of geography,
chief researcher
Pacific Institute of
Geography FEB RAS,
7, Radio Street,
Vladivostok, Russia, 690041

romanov@tig.dvo.ru

на¹. В 2002 г. в рамках плановой корректировки генерального плана г. Владивостока Тихоокеанским институтом географии ДВО РАН совместно с ОАО «Приморгражданпроект» были подготовлены основные положения нового варианта «Концепции социально-экономического развития г. Владивостока и агломерации»².

Но уже во второй половине первого десятилетия XXI в. происходят существенные изменения как во внешних условиях, так и в самом потенциале развития Владивостока. Эти изменения связаны с подготовкой и проведением во Владивостоке Саммита АТЭС-2012 и привлечением новых инструментов регионального развития: формированием территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), приданием Владивостоку и его окружению статуса свободного порта, подведением к нему газопровода с Сахалина и др.

Всё это потребовало изменений и дополнений концепции развития г. Владивосток и его формирующейся агломерации. Ниже излагаются основные её положения.

Долгосрочной целью развития Владивостока ставится превращение его в крупнейший международный интеграционный центр России в АТР, реализующий контактные, в том числе внешнеэкономические и транспортно-транзитные, промышленные, научно-образовательные и культурно-туристические функции и обеспечивающий высокое качество жизни населения города и его формирующейся агломерации.

Выполняя стратегические контактные функции, Владивосток и его агломерация призваны обеспечивать геополитическую, экономическую, демографическую, научно-техническую, продовольственную, экологическую безопасность России на её восточных рубежах.

Геополитическая безопасность России на Дальнем Востоке в обостряющихся геополитических условиях в современном мире предполагает сохранение достаточных мощностей оборонного комплекса, в том числе в пределах Владивостокской агломерации, поддержание на высоком уровне потенциала Тихоокеанского флота, воздушно-космических сил для обеспечения геостратегического присутствия России в АТР.

Обеспечение *экономической безопасности* заключается в создании здесь, на восточных рубежах, крупной и

¹ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ № 2094-р от 28 декабря 2009 г.).

² Основные положения этой совместной работы изложены в [7].

конкурентоспособной экономической системы с учётом имеющихся собственных ресурсных, кадровых, транзитных возможностей, контактного экономико-географического положения с крупнейшими и динамично развивающимися странами мира.

Научно-техническая безопасность определяется во многом тем, что во Владивостокской агломерации сконцентрировано до 50% научно-технического потенциала Дальнего Востока. Этот потенциал должен быть сохранён и приумножен. На его основе возможны развитие различных наукоёмких производств на базе собственных научно-технических и конструкторских разработок отраслевых и академических НИИ, ВУЗов, предприятий оборонно-промышленного комплекса Владивостока и Большого Камня, реализация и освоение импортных технологий на инжиниринговых компаниях города и агломерации, научно-техническое обеспечение освоения ресурсов, в том числе Мирового океана.

Обеспечение **продовольственной безопасности** Владивостока, Владивостокской агломерации и Приморского края в целом делает необходимым развитие здесь (во Владивостоке, Артёме, Большом Камне, Славянке, Вольно-Надеждинском и др.) современных предприятий пищевой промышленности, в том числе предприятий рыбной промышленности, способных обеспечить не менее 70% потребностей населения в продовольственных товарах.

Экологическая безопасность заключается в обеспечении рационального использования, воспроизводства и сохранения уникального природно-ресурсного потенциала территорий Владивостокской агломерации и прилегающих акваторий залива Петра Великого.

В основу Концепции развития Владивостока и Владивостокской агломерации положены следующие целевые установки:

- переход Владивостока в стадию активного агломерационного развития;
- выполнение Владивостоком и агломерацией в целом стратегических контактных функций, в том числе во взаимодействии «суши с океаном», во взаимодействии России и Дальнего Востока со странами АТР;
- превращение Владивостока в крупный центр международного (прежде всего внешнеэкономического) сотрудничества России на тихоокеанском побережье;
- ориентация на переход города и всей его агломерации на новый качественный уровень, имея в виду экономическое, социальное и экологическое качество развития города и окружающих территорий и акваторий;
- обеспечение широкого участия города в международной жизни АТР (в экономической сфере, научно-образовательной деятельности, высокотехнологичных наукоёмких производствах, международном въездном туризме);
- формирование в долгосрочной перспективе двухзвенного Владивостока, состоящего из южного звена (город в современных его границах), преобразуемого в деловой центр (с развитыми портово-транспортными, управленческими, торгово-посредническими, банковско-кредитными функциями, иностранными представительствам и т.п.), и северного звена (в границах юга Надеждинского района и Артёма), формируемого как промышленно-селитебная зона высоких технологий (с технопарками и крупным транспортным узлом – железнодорожным, авиационным, автодорожным и морским);
- территориальное развитие города прежде всего за счёт включения в его состав Артёмовского муниципального округа и левобережной части Надеждинского района и интенсивного освоения имеющихся в их пределах свободных территорий для промышленного, транспортного, селитебного, офисного строительства, поэтапной трансформации прилегающих садовых районов в районы жилой застройки;

- формирование социальной и производственной инфраструктуры с учётом ориентированности города на активные внешние связи на уровне, сопоставимом со сложившимися на настоящий момент реальными полюсами роста в странах АТР или со столичными городами России – Москвой и Санкт-Петербургом;
- доведение масштабов экономической деятельности, развития сферы услуг и других секторов до уровня, сопоставимого с полюсами роста отдельных стран АТР;
- параллельное развитие двух форм жилищного строительства: высотного и многоэтажного в старом городе (то есть в современных границах Владивостока) и в центральной части нового города (на юге Надеждинского района и Артёма) и малоэтажного – в периферийной его части;
- учёт стратегических интересов России на восточных рубежах (выполнение оборонных, транзитных, научно-технических и других функций), а также собственных интересов Дальнего Востока, Приморского края и Владивостока.

Основные факторы развития и конкурентные преимущества

К факторам, определяющим развитие Владивостока и агломерации в целом и их конкурентные преимущества, относятся уникальное геополитическое и экономико-географическое положение и накопленный социально-экономический и научно-технический потенциал. Благодаря своему положению на берегах Японского моря с многочисленными незамерзающими бухтами Владивосток стал крупнейшим городом-портом России на Тихом океане. К портам Владивостока подходит крупнейшая железнодорожная магистраль – Транссибирская, благодаря чему здесь реализуются разнообразные контактные транспортно-транзитные функции в связях России и АТР, стран АТР и Европы. Город имеет сухопутные выходы (железнодорожные и автодорожные) в соседние страны – Китай и КНДР. Находясь на большом удалении от центральных районов России, на её юго-восточной окраине, Владивосток при этом соседствует с крупнейшими (КНР и Япония) и крупными (КНДР и Республика Корея) экономиками мира.

Геополитическое положение Владивостока определяется тем, что город и его агломерация расположены в геополитически весьма важном Азиатско-Тихоокеанском регионе мира, на стыке границ КНР, России и КНДР – трёх стран с различными контрастными политическими системами. Через Владивосток Россия реализует свои геополитические интересы в АТР, а сам Владивосток находится в зоне пересечения геополитических интересов ряда зарубежных стран, в том числе крупнейших.

К числу имеющихся конкурентных преимуществ Владивостока, несомненно, относятся сравнительно развитые транспортно-логистические структуры (морские, железнодорожные, трубопроводные, авиационные и пр.), многоотраслевая структура экономики, высокий научно-технический и образовательный потенциал и т.д.

Осуществление интересов России на Дальнем Востоке и в АТР: основные функции Владивостокской агломерации

Изначально Владивосток создавался для выполнения общенациональных функций, что отражено даже в его названии. Сегодня одна из важнейших национальных функций Владивостока и его агломерации, как отмечается в ряде публикаций¹ и официальных документов, – это

¹ Поскольку перечень соответствующих работ достаточно велик, мы ограничились включением в библиографический список лишь некоторых из них (см.: [1–6; 8; 9]).

превращение его в реальный полномасштабный центр международного сотрудничества. Такая общенациональная функция Владивостока тесно коррелирует и с дальневосточными, и с краевыми интересами.

Однако в целом общенациональные функции города, как нам представляется, значительно масштабнее и ответственнее – это контактные функции в развивающихся взаимодействиях России (и ряда стран Европы) со странами АТР. В современных условиях глобализации, роста конкуренции и обострения геополитических отношений эти функции многократно усиливаются, возрастают и усложняются.

Уникальное ЭГП и закрытые бухты с круглогодичной навигацией обусловили в предыдущий период выполнение Владивостоком функций форпоста России на тихоокеанском побережье, функций города-порта, центра внешнеэкономического сотрудничества, места дислокации Тихоокеанского флота и локализации ряда крупных морехозяйственных структур.

Выполнявшиеся Владивостоком в предыдущий период стратегические функции обобщённо можно свести к следующим:

- оборонные функции, связанные с дислокацией здесь отдельных структурных единиц Тихоокеанского флота, а также морских частей погранвойск, таможенных и других служб, обеспечивающих военную и экономическую безопасность России на востоке;
- портово-транспортные функции, обусловившие создание и функционирование здесь военно-морского, морского торгового, морского рыбного и пассажирского портов;
- морехозяйственные функции, обусловившие создание здесь рыбодобывающих, рыбоперерабатывающих, судоремонтных, приборостроительных предприятий и вспомогательных производств;
- внешнеторговые и транспортно-транзитные функции, состоящие в том числе в таможенном и транспортном обслуживании;
- научно-образовательные функции, состоящие в проведении исследований и подготовке специалистов высшей квалификации для всех специфических сфер хозяйства, прежде всего – морских.

Таким образом, уже к концу XX в. определилась чётко выраженная многофункциональная роль Владивостока. В перспективе с развитием агломерационных процессов многофункциональность будет возрастать (*табл. 1*).

Складывающиеся функции г. Владивосток были оценены с точки зрения проблем и предпосылок их развития в перспективе. Учитывались рыночные условия, динамика спроса на разных региональных уровнях, значение для города, края и России в целом, экономическая и социальная эффективность. В результате соответствующих оценок была составлена *таблица 2*.

Таким образом, Владивосток и в будущем будет развиваться как крупный многофункциональный центр.

Основные приоритеты в развитии хозяйства города и агломерации

Специфика Владивостока, его уникальное экономико-географическое и геополитическое положение обуславливают развитие и поддержание здесь на высоком уровне прежде всего морехозяйственных, транспортно-логистических и внешнеэкономических функций. Без обеспечения на должном уровне таких функций и развития соответствующих им структур не-

Таблица 1

Многофункциональность города Владивостока и агломерации

Уровни выполняемых функций	Содержание функций	
	в настоящее время	в перспективе
1. Международные	С 1992 г. – некоторые дипломатические, транзитно-транспортные, научно-образовательные, культурно-туристические функции	Усиление указанных функций, а также развитие международных экономических функций: размещение экспортных производств, международных объектов рыночной инфраструктуры (банков, торговых и выставочных центров и т.п.); проведение международных форумов; и др.
2. Общероссийские	Оборонные, транзитно-транспортные, научно-исследовательские и культурно-туристические функции	Рост значения и объёмов указанных функций; опорная база освоения ресурсов Тихого океана
3. Дальневосточные	Транзитно-транспортные функции по обеспечению связей между отдельными районами Дальнего Востока; научно-образовательные, культурно-туристические и оздоровительные функции	Сохранение и усиление всех этих функций, особенно в связи с развитием Северного морского пути
4. Краевые	Центр Приморского края и связанные с этим управленческие функции; экономические, научно-образовательные, социально-культурные, туристические и оздоровительные функции	Сохранение и усиление всех этих функций, особенно в связи с улучшением транспортной доступности в южных районах края
5. Муниципальные	Экономические функции (связанные с обеспечением надёжной экономической базы города); социальные функции (связанные с созданием для населения нормальных условий жизнедеятельности)	Сохранение всех этих функций и их существенное усиление, развитие в пределах агломерации

возможно эффективно использовать имеющиеся у Владивостока конкурентные преимущества перед многими другими городами России и АТР.

С учётом вышеизложенного и в соответствии с прогнозными оценками приоритетными для города и агломерации в долгосрочной перспективе являются контактные функции, связанные с обеспечением связей сухопутных и морехозяйственных видов деятельности и, одновременно, с обеспечением взаимодействий регионов России, прежде всего Дальнего Востока и Приморского края, со странами АТР.

В этой связи приоритетными секторами хозяйства во Владивостоке и агломерации являются:

1. Морехозяйственные экономические структуры (кластеры), включая:

– судостроение (небольших специализированных судов – во Владивостоке и Славянке, крупных – в Большом Камне);

Таблица 2

Основные функции города Владивостока и агломерации
в долгосрочной перспективе и предпосылки их развития

Наименование и вид функций	Содержание функций	Предпосылки сохранения и развития функций
1. Транспортно-логистические	Перегрузки различных грузов с других видов транспорта на морской и обратно, хранение, переработка и распределение грузов, обслуживание морского флота и др.	Очень большие
2. Промышленные (прежде всего на основе наукоёмких технологий)	Судостроение и судоремонт, производство подводных роботов, судового и навигационного оборудования, оборудования для марикультуры, различных приборов и инструментов, бытовой техники, потребительских товаров (в том числе пищевых, лекарственных) и др.	Значительные
3. Научно-исследовательские	Фундаментальные и прикладные исследования, прежде всего для освоения ресурсов Мирового океана, Арктики, приморского природопользования, новых технологий, материалов, решения экологических проблем и др.	Очень большие
4. Образовательные	Развитие среднего и высшего образования для нужд восточных районов РФ, развитие новых образовательных программ и специальностей, новых форм обучения	Очень большие
5. Культурные, в том числе туристические	Театры, музеи, библиотеки, спортивные и культурные центры, различные уникальные туристические объекты	Очень большие
6. Торгово-финансовые	Банки, биржи, торговые, информационные, выставочные центры и т.п.	Очень большие
7. Оборонные	Объекты военного значения, в том числе военно-морского флота	Значительные
8. Обеспечение международных контактов, внешнеэкономической и культурно-политической деятельности	Диппредставительства. Представительства деловых кругов. Международные форумы, комиссии, встречи и т.п.	Очень большие
9. Коммунально-инфраструктурное обслуживание	Энергетика, транспорт, жильё, связь, коммунально-бытовое обслуживание	Очень большие

- производство оборудования и приборов для марикультуры и морских биотехнологий для изучения и освоения Мирового океана;
- производство подводных роботов и робототехнических комплексов;
- судоремонт (во Владивостоке, Большом Камне и Славянке);

– морской транспорт (строительство крупного глубоководного порта);

– создание предприятий марикультуры;

– развитие рыбной и других отраслей пищевой промышленности, производств потребительских товаров, расширение производств высокоценных экологически чистых продуктов питания, лекарственных и биологически активных веществ из морского сырья на основе наукоёмких технологий, в том числе биотехнологий.

2. Автомобилестроение: производство легковых и специальных автомобилей на основе сборки из импортных комплектующих и частичной локализации производства последних в пределах агломерации.

3. Производство строительных материалов и конструкций, блоков для домостроения и т.п., широкое развитие жилищного строительства.

4. Научно-образовательный кластер на основе учреждений ДВО РАН, ВУЗов и малых научно-производственных предприятий; мультифункциональный технопарк с мелкосерийными производствами новых наукоёмких материалов и приборов для освоения Мирового океана.

5. Туризм, в том числе формирование одного из опорных центров морского круизного туризма.

7. Развитие международной деятельности и соответствующих структур по обеспечению такой деятельности.

8. Обеспечение надёжными и эффективными инфраструктурными системами и сетями (энергетическими, транспортными, экологическими).

Для обеспечения развития приоритетных отраслей необходимо формирование высокоэффективного обслуживающего комплекса – энергетики, строительной индустрии, коммунально-бытового обслуживания, торговли, медицинского обслуживания, пищевой промышленности, экологической инфраструктуры, коммуникационной инфраструктуры и т.п. Определённое место в городе должны занимать и оборонные функции (управление военно-морским флотом, погранвойсками, военные причалы, судоремонт и т.д.).

В сложившихся условиях необходимо концентрировать усилия и финансовые средства на «прорывных» направлениях. Таким «прорывным» направлением на российском Дальнем Востоке может стать создание во Владивостоке технополиса – города научных, технических и технологических разработок, выводимых в реальный сектор экономики. Это позволит обеспечить здесь передовые рубежи национальной экономики и технологии, выполнять функции «плацдарма» по реализации интересов России в АТР. Из дальневосточных городов России прежде всего во Владивостоке как центре академической, отраслевой и вузовской науки возможно создание подобия японских, американских и китайских технополисов. Но для этого необходимо превращение «центра науки» в «центр науки, передовых технологий и современного производства». Превращение Владивостока в город-технополис необходимо для повышения стратегической конкурентоспособности его промышленности, кардинального повышения её эффективности и уровня жизни населения.

При этом целесообразна переориентация на выпуск высокотехнологичной продукции и услуг всего хозяйственного комплекса Владивостокской агломерации. То есть не только промышленных предприятий, непосредственно связанных с производством соответствующей наукоёмкой продукции, но хозяйственного комплекса в целом, включая и производство услуг. Высокотехнологичная промышленная продукция может и должна производиться не только для продажи на внешнем рынке, но и для наполнения внутреннего рынка. С этого начинали своё ускоренное развитие и Япония, и Республика Корея, и Китай. В противном случае будет

и дальше увеличиваться разрыв в уровне экономического развития дальневосточной России и сопредельных стран.

Наукоёмкими должны стать морехозяйственный комплекс, сфера услуг, строительство и транспорт, связь и туризм. Это касается и машиностроения – именно эта сфера обеспечивает истинное лидерство. Учитывая специфику Владивостока и агломерации и его географическое положение, из машиностроительных производств первоочередное развитие здесь могут получить судостроение и судоремонт, навигационное приборостроение, производство специальных и бытовых электрических и электронных приборов, медицинского оборудования, а также систем обработки информации, автоматизированных систем управления производством.

Таким образом, с учётом международного опыта создания городов-технополисов и имеющих во Владивостоке предпосылок целесообразно развивать во Владивостоке следующие новые наукоёмкие «восходящие» отрасли:

- биотехнологии;
- производство «тонкой» керамики;
- производство подводных аппаратов, робототехники, станков с программным управлением, автоматических системы управления и соответствующего программного обеспечения;
- фармакология на основе биологически активных веществ из ресурсов суши и моря;
- производства новых видов экологически чистой продовольственной продукции на основе современных (разработанных здесь или заимствованных) технологий.

В число приоритетных проектов, которые направлены на развитие хозяйства города (прежде всего в новой его части) и должны в дальнейшем сформировать оптимальную инфраструктуру «Большого Владивостока» (старой и новой его территории), должны быть включены:

- строительство участков железных и автодорог, которые напрямую свяжут новую площадку Владивостока с Транссибирской и Транскорейской магистралями и обусловят в дальнейшем формирование новой (и, возможно, основной) хозяйственной оси города;
- строительство современных объектов энергетики (электрической и тепловой) в расчёте на потребности «Большого Владивостока»;
- жилищное, офисное и промышленное строительство;
- строительство отвечающих самым современным требованиям объектов экологической инфраструктуры.

Элементами хозяйственного комплекса новой части города должны быть и производства, выносимые из «деловой» («старой») его части по экологическим требованиям.

Целевые ориентиры развития Владивостока и его агломерации

Территория. Территориальная структура города в целом должна быть существенно трансформирована на основе нового функционального микрозонирования, предполагающего выделение следующих зон:

- деловой центр;
- прибрежная зона (с чередованием хозяйственных и рекреационно-парковых секторов);
- промышленные зоны;
- торгово-инфраструктурные зоны;

- селитебные зоны;
- рекреационно-парковые зоны;
- резервные зоны.

Эффективность промышленно-селитебного освоения новых территорий во многом будет зависеть от наличия надёжных и эффективных транспортных магистралей как трасс освоения новых площадок и развития транспортной сети в целом. Основным направлением развития транспортных сетей в пределах Владивостокской агломерации является прокладка дублирующих магистральных путей выхода из центра города и автодорог широтного направления через всю северную часть города с запада на восток. Вторым важным направлением в развитии транспортных сетей является создание железнодорожного и автодорожного кольца вокруг п-ова Муравьева-Амурского вдоль Амурского и Уссурийского заливов и бухты Золотой Рог. Это послужит базисом для соединения Владивостока и прилегающих территорий в единое экономическое, социально-демографическое и планировочное пространство, условием дальнейшего пространственного развития городской агломерации.

Население¹. Перспективная численность населения Владивостока и всей Владивостокской агломерации во многом будет зависеть от меры участия (законодательного, финансового, организационно-управленческого) государства и краевых управленческих структур в развитии города. Разработано несколько вариантов демографического развития Владивостока и агломерации, учитывающих различные в сложившихся условиях меры участия государства:

- 1) пессимистический, инерционный вариант – участие государства отсутствует;
- 2) средний вариант – участие государства незначительное, в основном развитие обеспечивается за счёт поддержки городскими и краевыми властями, с организованным привлечением частного капитала;
- 3) оптимистический вариант – участие федеральных, краевых и муниципальных органов управления в развитии города рассматривается как существенное. Оптимистический вариант предполагает привлечение дополнительного финансирования в развитие Владивостока и Владивостокской агломерации со стороны государства, а также организованное привлечение отечественного и иностранного капиталов.

На 2020 г. прогнозная численность населения Владивостокской агломерации составит: по пессимистическому варианту – 1 157,6 тыс. человек; среднему – 1 232,8 тыс. человек; оптимистическому – 1 408,3 тыс. человек. Прогнозная численность населения Владивостока в нынешних границах соответственно 654,3 тыс. человек, 728,7 тыс. человек и 804,7 тыс. человек.

Прогнозные оценки прироста и распределения численности занятых в различных отраслях экономики показывают, что ведущей отраслью экономики во Владивостокской агломерации останется промышленность. Предполагается, что в промышленности будет занято до 30% численности работающего населения. Высокая доля таких отраслей, как транспорт и связь, торговля, сбыт и заготовки, ЖКХ и бытовое обслуживание и других, объясняется необходимостью значительного инфраструктурного и рекреационного обустройства территории Владивостокской агломерации для повышения уровня её экономической и социальной привлекательности, а также активного привлечения отечественных и иностранных инвесторов для развития экономики населённых пунктов.

Производство. По проведённым прогнозным оценкам, наиболее вероятный средний прирост производства по промышленным узлам Владивостокской агломерации ожидается в пределах 5% в год, с возможными колебаниями по отраслям и центрам от 2 до 10%. Это согла-

¹ Раздел подготовлен к.г.н. З.И. Сидоркиной.

суется с ожидающимися в обозримой перспективе темпами развития экономики Приморского края и России в целом.

Финансовые ресурсы. В качестве основных рассматриваются «традиционные» источники финансирования: бюджеты различных уровней, внебюджетные средства, банковский, акционерный, частный капитал и пр. При этом важным условием успешного привлечения финансовых средств, в том числе и зарубежных, является, несомненно, благоприятный инвестиционный климат. Важнейшими условиями его улучшения являются формирование надёжного и эффективного энергетического, транспортного и инфраструктурного обеспечения, высокого качества социальной и экологической среды и т.п.

Государственный вклад в развитие города и агломерации может осуществляться в следующих формах:

- прямое инвестирование из федерального бюджета ограниченного круга объектов, имеющих общерегиональное значение, но невысокую коммерческую окупаемость;
- государственно-частное партнёрство с разделением финансирования;
- косвенное финансирование некоторых объектов и направлений хозяйственной деятельности с предоставлением возможности беспроцентного импорта оборудования, облегчённых правил экспортных операций и распоряжения валютной выручкой, ускоренной амортизации, беспроцентных или льготных займов, расширение сферы применения налогового кредита (например, в ТОСЭР «Надеждинская» или в рамках Свободного порта Владивосток);
- административная или экономическая протекция созданию специальных банков, фондов, консорциумов, компаний, передвижению людей, товаров и капитала через границы региона, рекламе инвестиционных проектов;
- расширение сферы хозяйственно-правовой компетенции территориальных органов при исполнении ряда норм законодательства, в частности законов «О недрах», «О залоге», «Об инвестиционном налоговом кредите», «О налоговой системе» и др.

Важнейшими условиями привлечения иностранного капитала в развитие города и агломерации (в том числе Большого Камня, Славянки и Зарубино) являются:

- предоставление залоговых гарантий иностранному капиталу через природно-ресурсные права (возможно, в пределах Приморского края), права на недвижимое имущество и другие формы;
- формирование на территории благоприятных инфраструктурных и организационно-правовых условий, отвечающих потребностям бизнеса и являющихся приоритетами в деятельности местных властей;
- соблюдение точно определённого набора правил и льгот для инвестиционных проектов с участием иностранного капитала.

Механизмы реализации Концепции

С целью реализации основных положений Концепции на её основе должны быть разработаны и приняты долгосрочная комплексная программа развития и Генеральный план г. Владивосток и прилегающих территорий, потенциально входящих в «Большой Владивосток».

Механизм реализации Концепции предполагает, что в рамках общей системы управления создаётся сеть координаторов (руководителей подпрограмм) и ответственных исполнителей по отдельным мероприятиям. Ответственные исполнители назначаются администрацией города и обеспечивают соблюдение сроков, качества и эффективности реализации мероприятий. Таким образом, может формироваться матричная организационная структура управления,

включающая вертикальные (линейные) и горизонтальные связи, которые обеспечивают управление и создают основу высокой синхронизации исполнения намеченных мер. Такой подход должен сочетаться с перераспределением прав и ответственности (децентрализацией) в рамках организационной структуры системы управления территорией.

При реализации Концепции необходимо учитывать дифференцированные интересы населения, власти и бизнеса при разработке, принятии и реализации бизнес-проектов или планов развития. Механизм реализации также должен включать в себя:

- определение взаимосвязанных организационно-методических процедур в процессе осуществления управленческих мероприятий с целью выполнения отдельных пунктов Концепции;
- выделение проблемно-функциональных блоков управления, выработку связей и отношений между ними;
- установление и регулирование отношений между элементами структуры управления, между властью и бизнесом путём правового, административного, экономического и социального взаимодействия.

При этом должна быть обеспечена систематическая координация сбалансированных по ресурсам и развёрнутых во времени экономических, социальных, технических, производственных, организационных и других мероприятий, осуществляемых властью, предприятиями и организациями различных форм собственности и обеспечивающих достижение целей развития:

- обеспечение взаимоувязанного направленного развития и достижения основных целей;
- обеспечение тесного взаимодействия производственных, социальных и экологических аспектов хозяйственной деятельности;
- распределение прав и ответственности за реализацию, обеспечение оперативного информационного обслуживания деятельности;
- научное сопровождение.

В систему управления целесообразно встроить подсистему корректировки в виде группы специалистов, в задачу которых входит отслеживание эффективности реализации Концепции и выработка на этой основе предложений по изменению траектории развития.

Для обеспечения мониторинга реализации Концепции и разработанной на её основе программы развития необходимо внедрить информационно-аналитическую систему эталонных оценок, основанную на подобранных индикаторах для отдельных составляющих Концепции.

В систему эталонных индикаторов развития должны быть включены блоки индикаторов, отражающие экономическое развитие, состояние окружающей среды, развития домашних хозяйств, использование земли, развитие городской инфраструктуры, социально-демографическое состояние и др.

Важнейшим инструментом реализации Концепции должна стать эффективная информационная система города и агломерации, базирующаяся на геоинформационных (GIS) технологиях. Информационная система должна отслеживать основные параметры экономического, социального, экологического состояния города и агломерации за определённые периоды времени и сравнивать текущие параметры с целевыми и эталонными индикаторами.

Таким образом, основные положения Концепции должны быть развернуты в «Программе социально-экономического развития города Владивостока и его агломерации» и новом Генеральном плане города. Их утверждение и реализация, как представляется, позволят выйти Владивостоку на качественно новый уровень развития.

Список литературы

1. Абрамов А.Л. Возможные сценарии развития Владивостока в долгосрочной перспективе // Стратегическое планирование на межрегиональном, региональном и городском уровнях: каким будет Дальний Восток после кризиса. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010. С. 117–143.
2. Авдеев Ю.А. Анализ существующих идей стратегического планирования развития Владивостока // Приоритеты Приморья: Интеграция и конкурентоспособность. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. С. 103–110.
3. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока. Вестник ДВО РАН. 2011. № 2. С. 18–28.
4. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Стратегия развития Приморского региона: от прошлого к будущему // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2013. № 4. С. 7–23.
5. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 172 с.
6. Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона / науч. ред. А.Б. Волынчук; под общ. ред. Я.А. Фроловой. Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.
7. Концепция социально-экономического развития г. Владивостока и агломерации: основные положения. Материалы к проекту «Корректировка генерального плана г. Владивостока» / Под ред. В.И. Ознобихина, В.И. Преловского. Владивосток, 2002. 60 с.
8. Терский М.В. Интеграционные процессы в Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы экономического сотрудничества России со странами АТР // Разработка и реализация стратегий в новой ситуации: экономика, методология, модернизация. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2010. С. 76–84.
9. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука. 2012. 406 с.

References

1. Abramov A.L. Possible Scenarios of Development of Vladivostok in a Long-Term Perspective. In: Strategic Planning at the Interregional, Regional and City Levels: How Does the Far East Will Look Like after Crisis? Vladivostok, 2010. Pp. 117–143. (In Russian)
2. Avdeev Yu.A. The Analysis of Existing Ideas of Strategic Planning of Development of Vladivostok. In: The Priorities of Primorskii Krai: Integration and Competitiveness. Vladivostok, 2007. Pp. 103–110. (In Russian)
3. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T. Territorial Structures of Economy and Economic Regions in the Long-Term Development of the Russian Far East. Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoy akademii nauk [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2011. No. 2. Pp. 18–28. (In Russian)
4. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. Development Strategy of Primorsky Region: From the Past to the Future. Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Sotsiologiya. Sotsial'naya rabota [Scholarly Notes of Transbaikalsk State University. Series: Philosophy. Culturology. Sociology. Social Work]. 2013. No. 4. Pp. 7–23. (In Russian)
5. Baklanov P.Ya., Romanov M.T. The Economic-Geographical and Geopolitical Positions of Pacific Russia. Vladivostok, 2009. 172 p. (In Russian)
6. Geopolitical Potential of Trans-Boundary Cooperation of the Countries of Asian-Pacific Region. Vladivostok, 2010. 626 p. (In Russian)

7. The Concept of Social and Economic Development of Vladivostok and Agglomeration: Basic Provisions. The Proceedings to the Project «Updating of the General Plan of Vladivostok». Ed. by V.I. Oznobikhin, V.I. Prelovsky. Vladivostok, 2002. 60 p. (In Russian)
8. Tersky M.V. Integration Processes in the Pacific Region: The Problems and Perspectives of Economic Cooperation of Russia with the Countries of APR. In: The Development and Realization of the Strategy in a New Situation: Economy, Methodology, Modernization. Vladivostok, 2010. Pp. 76–84. (In Russian)
9. Pacific Russia: The Pages of the Past, the Present, the Future. Ed. by P.Ya. Baklanov. Vladivostok, 2012. 406 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Основные положения Концепции социально-экономического и территориального развития Владивостока на новом этапе // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 2. С. 11–25. DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

For citing:

Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Romanov M.T. The Main Statements of the Concept of Social, Economic and Territorial Development of Vladivostok at a New Stage. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 11–25. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

ЛЕОНОВ
Сергей
Николаевич

Доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LEONOV
Sergey
Nikolaevich

Doctor of economics,
professor, leading researcher
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

leonov@ecrin.ru

© Леонов С.Н.,
Шеварева Я.С., 2017

УДК 338 (571.6)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ВИДОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье представлены результаты исследований по экономическим проблемам освоения дальневосточного сектора Арктики. В том числе показано современное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности коренных народов, а также проанализированы отличия политики государственной поддержки коренных народов в России и зарубежных странах и сформулированы подходы к использованию на Дальнем Востоке лучших зарубежных практик.

Север Дальнего Востока, коренные малочисленные народы Севера, традиционные виды хозяйственной деятельности, оленеводство, рыболовство, охотничий промысел

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRADITIONAL ECONOMIC ACTIVITIES OF INDIGENOUS PEOPLE OF RUSSIAN FAR EASTERN NORTH

The article presents the results of research on economic problems in the development of Far Eastern sector of Arctic. The modern state of traditional economic activity of indigenous peoples is shown, as well as the differences in the policy of state support for indigenous peoples in Russia and foreign countries are analyzed, and approaches to the use of best foreign practices in Russian Far East are formulated.

Russian Far Eastern North, Northern indigenous people, traditional economic activities, reindeer herding, fishing, hunting

Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований РАН «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития арктической зоны Российской Федерации» (44П), проект «Экономические и экологические аспекты развития арктических регионов Дальнего Востока России».

ШЕВАРЁВА**Яна
Сергеевна**

Магистр государственного и
муниципального управления,
главный специалист

Экономический комитет
Администрации

г. Хабаровск,
ул. Карла Маркса, 66,
Хабаровск, Россия, 680000

SHEVAREVA**Yana
Sergeevna**

Master of public administration,
chief specialist

Economic Committee of
Khabarovsk City Administration,
66, Karla Marksa Street,
Khabarovsk, Russia, 680000

yana.shevareva@mail.ru

Введение

Российская Федерация – многонациональное государство, в котором проживает свыше 190 народов. Из числа этих народов законодательство РФ выделяет коренные малочисленные народы Севера (далее – КМНС)¹ в отдельную социальную группу населения, нуждающуюся в особой государственной поддержке. Более 70% из числа КМНС проживает в сельской местности. Их традиционный образ жизни основан на глубокой взаимосвязи (как физической, так и духовной) с природными ландшафтами, занятием традиционными видами хозяйственной деятельности.

Без ведения традиционной хозяйственной деятельности невозможно представить полноценное существование коренных народов. Эта деятельность может быть источником денежного дохода, но в основе своей она ориентирована не на максимизацию прибыли, а на личное и семейное потребление, базируется на традиционных ценностях, специальных навыках и комплексном знании местной природной среды, использует технологии, ориентированные на работу с малыми объёмами ресурсов, и распределяет конечную продукцию через свои системы обмена [15]. Названные особенности позволяют считать традиционную хозяйственную деятельность эколого-экономической основой устойчивого развития КМНС.

Обладающие многовековым опытом гармоничного сосуществования с природой и выживания в экстремальных климатических условиях, коренные малочисленные народы Севера оказались не готовыми к формирующимся рыночным отношениям и с трудом адаптируются к изменившимся социально-экономическим условиям. Соприкосновение с развитым индустриальным обществом нанесло и продолжает наносить ущерб исконной среде обитания и традиционной хозяйственной деятельности этих народов. В связи с этим в вопросах освоения Севера особую актуальность приобретает исследование проблем и поиск перспектив развития традиционных отраслей хозяйствования КМНС в рыночных условиях.

¹ Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйство и промыслы, насчитывающие в РФ менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (см.: Федеральный закон № 104-ФЗ от 20 июля 2000 г. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в редакции от 2 февраля 2006 г.)).

Размещение и динамика численности КМНС

Север Дальнего Востока – одна из наименее заселённых частей России [14]. В пределах этой самой большой по размеру территории макроэкономической зоны Дальневосточного федерального округа проживает немногим более 2% населения макрорегиона, а средняя плотность составляет 0,05 чел. / км², нигде не достигая 1 жителя на 10 км².

Этот регион не однороден по природно-климатическим условиям, здесь выделяют зоны Крайнего, Дальнего и Ближнего Севера (*рис. 1*). Главными элементами системы

Рис. 1. Размещение КМНС Дальнего Востока

Примечание: картография выполнена научным сотрудником ИЭИ ДВО РАН В.Д. Хижняком.

расселения на Севере Дальнего Востока выступают центры муниципальных районов, населённые пункты людностью 1,5–3,3 тыс. человек, дисперсно размещённые по морскому побережью и на берегах крупных рек (исключение – г. Анадырь, центр Чукотского автономного округа, в котором вместе с посёлком-спутником Угольные Копи проживает 17 тыс. человек) [9]. В эту систему расселения вписываются вахтовые посёлки горнодобывающих предприятий и сёла коренных малочисленных народов Севера.

По данным Всероссийских переписей, отмечается уменьшение численности у большей части малых народов по стране в целом и в большинстве районов их расселения. Дальний Восток России не является исключением.

На территории Дальнего Востока, по данным переписи населения 2010 г., проживало около 105 тыс. человек, представителей девятнадцати этносов, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, создавших в ходе многовековой истории специфические формы хозяйства и материальной культуры, приспособленных к экстремальным природным условиям. Эти формы оказались и в настоящее время достаточно жизнеспособными, а коренные народы в своём большинстве выступают как базовый, решающий фактор сохранения тундровых и таёжных ландшафтов.

Однако крупномасштабное и не всегда рациональное освоение природно-ресурсного потенциала в местах компактного проживания КМНС в значительной мере подорвало ресурсную основу традиционного хозяйства и тем самым поставило под угрозу сохранение этнической самобытности аборигенного населения дальневосточного Севера и Приамурья [12].

На Дальнем Востоке места компактного проживания КМНС встречаются во всех, кроме ЕАО, субъектах РФ. Наиболее многочисленную группу КМНС в макрорегионе (почти 80% численности) составляют пять этносов: эвенки (27 тыс. человек), эвены (22,2 тыс. человек), чукчи (15,4 тыс. человек), нанайцы (11,8 тыс. человек) и коряки (7,7 тыс. человек). Большая часть КМНС проживает в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе, Камчатском и Хабаровском краях. Здесь они формируют достаточно крупные ареалы компактного проживания.

За межпереписной период численность КМНС на Дальнем Востоке выросла на 4,9%, но динамика численности разнилась по субъектам РФ (*табл. 1*). Реальный рост был зафиксирован в Республике Саха (Якутия) (на 21,5%), Магаданской области (на 2,2%) и ЧАО (на 0,65%). В остальных дальневосточных субъектах РФ отмечалось снижение численности КМНС. При этом только у шести этносов (эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, эскимосы и ительмены) за рассматриваемый период наблюдался рост численности.

Мы уже отмечали, что традиционный образ жизни КМНС Севера Дальнего Востока основан на занятии хозяйственной деятельностью, напрямую связанной с биоресурсами и экологической устойчивостью окружающей среды (оленоводство, охота, рыболовство, собирательство и переработка соответствующей продукции). В результате интенсивного промышленного освоения полезных ископаемых в районах проживания КМНС, без должного учёта их интересов, ухудшились условия жизни и труда аборигенного населения, нарушен экологический баланс территорий, произведено отчуждение земель традиционного природопользования под промышленное использование. Всё это приводит к утрате традиционных видов хозяйствования, культуры, родных языков, оказывает крайне неблагоприятное влияние на социальное положение малых народов. За последние десятилетия произошли большие изменения в структуре занятости КМНС. Около половины трудоспособного аборигенного населения не имеет постоянного места работы [3; 19].

Таблица 1

Динамика численности КМНС в регионах Дальнего Востока (по данным переписей)

Регионы	Народы, учтённые в регионе	Численность, тыс. человек		Прирост (+) / сокращение (–), %
		2002	2010	
Республика Саха (Якутия)	эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи	32,9	39,9	21,5
Камчатский край	коряки, ительмены, эвены, камчадалы, чукчи, алеуты, эскимосы	15,2	14,4	–5,7
Приморский край	удэгейцы, нанайцы, тазы	1,6	1,4	–10,2
Хабаровский край	нанайцы, эвенки, ульчи, нивхи, эвены, удэгейцы, негидальцы, орочи	23,5	22,5	–4,1
Амурская область	эвенки	1,5	1,4	–1,3
Магаданская область	эвены, коряки, ительмены, чукчи, камчадалы, юкагиры	4,7	4,8	2,2
Сахалинская область	нивхи, уйльта, эвенки, нанайцы, орочи	3,2	2,9	–8,1
Чукотский автономный округ	чукчи, эскимосы, эвены, чуванцы, юкагиры, коряки, кереки	16,7	16,9	0,6
Итого		99,3	104,2	4,9

Источник: составлено по данным [2].

Если в социальной сфере (жилищно-коммунальном хозяйстве, бытовом обслуживании, здравоохранении, образовании, социально-культурном сервисе) увеличилось число работающих, то в материальной сфере и, в частности, в традиционных отраслях резко сократилась занятость КМНС.

Обострились проблемы развития экономической базы отраслей традиционного жизнеобеспечения КМНС. Оленеводство, бывшее одной из наиболее доходных отраслей традиционного хозяйства, в современных условиях стало убыточным [4]. Практически уничтожено племенное ядро оленьего стада, поголовье оленей на Дальнем Востоке по сравнению с 1990 г. сократилось более чем в 3 раза¹. Истощение ресурсов угодий, ухудшение экономических условий, несовершенство организации промысла, слабая материальная заинтересованность охотников привели к снижению промысла полевой пушнины². За последние годы улов рыбы в районах проживания коренных народов сократился почти вдвое, что в основном связано с несоблюдением требований рыболовства, отсутствием рынка сбыта, загрязнением водоёмов промышленными стоками. В крайне неудовлетворительном состоянии находится малый рыбопромысловый флот³.

¹ <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/olenevodstvo-v-rossii/>² <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/ohotnichiy-promysel/>³ <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/rybolovstvo/>

Особенности традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС

Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами, а также защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни¹.

Традиционное хозяйство КМНС, представляющее совокупность отраслей хозяйства, исторически сложившихся на определённой территории в процессе взаимодействия этноса (этнической группы) с природной средой, является уникальным историческим опытом традиционного природопользования и основой жизнеобеспечения, важнейшим условием сохранения самобытной культуры и языка. Традиционное хозяйство КМНС характеризуется наличием ряда специфических черт: сознательное ограничение потребления природных ресурсов; консервативность; экологическая чистота; влияние духовных ценностей на систему природопользования; высокая информированность о традиционных методах хозяйствования.

В Российской Федерации к отраслям традиционного хозяйства КМНС относят 13 видов хозяйственной деятельности²:

- 1) животноводство, в том числе кочевое (оленоводство, коневодство, яководство, овцеводство);
- 2) рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация водных биологических ресурсов;
- 3) промысловая охота, переработка и реализация охотничьей продукции;
- 4) переработка продукции животноводства, включая сбор, заготовку и выделку шкур, шерсти, волоса, окостенелых рогов, копыт, пантов, костей, эндокринных желез, мяса, субпродуктов;
- 5) собаководство (разведение оленегонных, ездовых и охотничьих собак);
- 6) разведение зверей, переработка и реализация продукции звероводства;
- 7) бортничество, пчеловодство;
- 8) земледелие (огородничество), а также разведение и переработка ценных в лекарственном отношении растений;
- 9) заготовка древесины и недревесных лесных ресурсов для собственных нужд;
- 10) собирательство;
- 11) добыча и переработка общераспространённых полезных ископаемых для собственных нужд;
- 12) художественные промыслы и народные ремесла;
- 13) строительство национальных традиционных жилищ и других построек, необходимых для осуществления традиционных видов хозяйственной деятельности.

На Дальнем Востоке России три из вышеназванных традиционных видов хозяйственной деятельности (оленоводство, рыболовство и промысловая охота) относятся к характерным этносохраняющим видам.

Особенности развития традиционного хозяйства в конкретных регионах определяются

¹ Конституция (Основной закон) Российской Федерации, ст. 69, ст. 72 (п. «м»).

² Распоряжение Правительства РФ № 631-р от 8 мая 2009 г. «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности».

спецификой природных ресурсов и природных условий. Так, оленеводство, охотничий промысел, рыболовство, морской зверобойный промысел и сбор дикоросов непосредственно связаны с использованием природных ресурсов и подвержены прямому влиянию природных условий. Традиционное хозяйство включает в себя систему традиционного природопользования как исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира и других природных ресурсов¹.

Традиционное природопользование основано на использовании возобновляемых ресурсов, в основном – биологических. Существуют различные типы природопользования. Оленеводческий и охотничий типы связаны с одним конкретным видом деятельности. Комплексные виды природопользования могут сочетать несколько видов традиционной хозяйственной деятельности (рыболовно-охотничий тип, рыболовно-зверобойный и т.п.). Методы и средства традиционного природопользования зависят от географических и исторических особенностей проживания КМНС. Например, как показывают данные опросов, в Хабаровском крае в 2016 г. было зарегистрировано 192 общины КМНС, и 90% из них указали своим основным видом деятельности рыболовство, осуществляемое в целях обеспечения традиционного образа жизни и ведения традиционной хозяйственной деятельности.

По большинству типов природопользования (отраслям традиционного хозяйства) КМНС сталкиваются с конкуренцией некоренных жителей. Конкуренция достаточно сильна и возрастает по мере увеличения эффективности промыслов в рыболовстве и охоте. Практически единственной отраслью традиционного природопользования, в которой заняты исключительно КМНС, и где они не встречают конкуренции со стороны некоренных жителей, является оленеводство [6]. Тем не менее, подчеркнём, что в условиях рыночной экономики на территориях традиционного природопользования формы хозяйства малых народов не защищены от конкуренции со стороны некоренного населения и испытывают серьёзные проблемы в своей реализации.

Современное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС

Рассмотрим состояние трёх основных этносохраняющих видов хозяйственной деятельности КМНС Дальнего Востока – оленеводства, охотничьего хозяйства и рыболовства.

Анализ состояния традиционных видов хозяйственной деятельности малых народов основывается состоянием массива статистических данных [10]. База данных формируется на основе данных муниципальной статистики (www.gks.ru) и ведомственной статистики отделов традиционной хозяйственной деятельности управлений по делам коренных малочисленных народов Севера региональных министерств природных ресурсов.

На Севере Дальнего Востока оленеводство как исторически сложившаяся форма традиционного природопользования является приоритетной для жизни малочисленных народов и охватывает огромную территорию (на одного оленя требуется до 100 га пастбищ в год). Развитие оленеводства – главное условие сохранения традиционного образа жизни КМНС и поддержки остальных промыслов северных народов. При этом отрасль наиболее уязвима к угрозам промышленного освоения, она наиболее болезненно реагирует на последствия индустриального типа освоения ресурсов Севера [4].

¹ Федеральный закон № 49-ФЗ от 7 мая 2001 г. «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (в редакции от 31 декабря 2014 г.).

Дальневосточное оленеводство подразделяется на два вида – таёжное и тундровое. Для тундрового характерны крупные стада (от одной до трёх тысяч голов), круглосуточно находящиеся под наблюдением пастухов (стадный выпас). Основная цель тундрового оленеводства – производство мяса. Для таёжного оленеводства свойственны небольшие стада (по несколько сотен животных) и способы выпаса, предполагающие, что животные пасутся без человека, периодически подходя к лагерю оленеводов. Таёжное оленеводство исторически сложилось как транспортное, но с распространением механического транспорта олени остались средством передвижения только для охотников из числа коренного населения¹.

В 1990-е гг. численность домашних оленей в России сокращалась (табл. 2). На Дальнем Востоке, в крупнейшем Северо-восточном оленеводческом макрорегионе страны (Якутия, Чукотский АО, Камчатский край и Магаданская область) поголовье оленей сократилось практически в три раза. Только в Республике Саха (Якутия) в 2009–2015 гг. поголовье оленей во всех категориях хозяйств сократилось на 44,8 тыс. голов (на 22,3%) [4].

Таблица 2

Динамика численности домашних северных оленей в Российской Федерации

Показатель	1992	1995	1998	2001	2004	2007	2010	2015
Поголовье оленей, тыс. голов	2 260,6	1 695,0	1 357,3	1 246,4	1 281,0	1 475,3	1 571,0	1 174,0
Сокращение по отношению к 1992 г., раз	1,0	1,33	1,7	1,8	1,8	1,53	1,4	1,9

Источники: рассчитано по данным www.gks.ru и [4].

Депрессивное состояние отрасли сопровождается распадом общественного оленеводства колхозно-совхозного типа и возвратом к частному оленеводству.

Современное кризисное положение оленеводства вызвано следующими причинами:

- неконкурентоспособность продукции оленеводства по затратам из-за многократного роста транспортных тарифов²;
- сильный физический и моральный износ основных фондов или их отсутствие (снегоходы, радиостанции и др.), сложность снабжения горюче-смазочным материалами, медикаментами и пр. [18];
- нехватка пастбищ³ и маточного поголовья;
- недостатки работы зоотехнической и ветеринарной служб⁴;
- социальные проблемы оленеводческих хозяйств (отсутствие регулярного медицинского обслуживания оленеводов и их семей, плохое снабжение товарами первой необходимости и др.) [5].

¹ <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/olenevodstvo-v-rossii/>

² В Якутии за 2015 г. выручка хозяйств от реализации продукции оленеводства составила 56,5 млн. рублей, что покрыло лишь 13,7% всей суммы затрат основного производства отрасли [4].

³ В Хабаровском крае, несмотря на снижение ставки арендной платы до 0,03 рубля за 1 га, ни одна из восьми национальных общин, созданных для занятия оленеводством, до настоящего времени не имеет закрепленных в аренду по результатам лесных аукционов участков лесного фонда, необходимых для ведения северного домашнего оленеводства.

⁴ <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/olenevodstvo-v-rossii/>

Охотничье хозяйство – исторически сложившаяся традиционная форма ведения охоты, имеющая специфику в различных регионах и также являющаяся приоритетной для жизни малочисленных народов и этнических групп.

Особенности охотничьего хозяйства как вида хозяйственной деятельности состоят в следующем¹:

- основано на использовании возобновляемых охотничьих ресурсов;
- продуктивность охотничьих угодий зависит как от природных факторов, так и от антропогенного воздействия на них альтернативных видов природопользования;
- является комплексным по составу продукции (производство и реализация пушнины, мяса, лекарственно-технического сырья, услуг и пр.);
- субъекты хозяйствования территориально разобщены;
- предполагает использование исторически сложившихся и мало меняющихся во времени технологий и техники;
- имеет ярко выраженный сезонный характер;
- характеризуется высоким удельным весом постоянных издержек в структуре затрат, как следствие, чем экстремальнее условия ведения деятельности в охотничьем хозяйстве, тем выше оказываются в отрасли пороговые требования к входу на рынок;
- является вторичным направлением использования угодий при современной российской регламентации отношений собственности на землю. Охотничье хозяйство в основном ведётся на землях лесного фонда. Охотники арендуют не сами земли, а среду обитания промысловых животных, когда заключают договоры аренды промысловых участков [18].

При переходе к рыночным отношениям на Дальнем Востоке начался новый этап развития охотничьего хозяйства, который характеризовался ликвидацией монополии государственных предприятий и предприятий потребительской кооперации на ведение коммерческого охотничьего производства.

Современное состояние охотничьего хозяйства характеризуется разрушением сложившихся хозяйственных связей, потерей рынков сбыта, возросшими масштабами браконьерства в силу недостаточной эффективности мер его пресечения. Практически ликвидирована прежняя система заготовок и сбыта охотничьей продукции. Отмена государственной монополии на пушнину и обязательной её сдачи государству, в сущности, ликвидировали существующую систему закупок и реализации всех видов пушнины. Либерализация цен и отмена государственной монополии на экспорт привели к ненужной конкуренции между отечественными производителями, к снижению цен на пушнину. Произошло раздробление российского пушного экспорта, были утеряны отдельные ниши на международных рынках [11].

В охотничьих хозяйствах произошли структурные изменения, и в том числе в сфере получения доходов. Наметилась тенденция сокращения доходов от промысловой охоты, стали возрастать другие доходы, в частности от спортивно-любительской охоты и предоставления услуг. Наметились предпосылки развития охотничьего туризма.

Рыболовство занимает существенную долю в традиционном хозяйствовании большинства народов Севера Дальнего Востока. В бассейне реки Амур, в Камчатско-Охотском регионе и на острове Сахалин рыболовство в значительной степени определяло весь комплекс материальной культуры коренных жителей.

¹ <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/ohotnichiy-promysel/>

Рыболовство в районах проживания коренных народов за время рыночных реформ сократилось по объёму почти вдвое, что связано с состоянием биологических ресурсов, экологической ситуацией и потерей рынков сбыта. Значительны потери ценных пород рыбы из-за отсутствия технологических средств заморозки и переработки¹. Особой проблемой выступают организационные вопросы. В соответствии с федеральным законом о рыболовстве², условием ведения традиционного рыболовства для общин КМНС является наличие рыбопромыслового участка (РПУ), полученного на конкурсной основе. В 2015 г. в Хабаровском крае, например, было сформировано 180 РПУ для ведения традиционного рыболовства (21% от их общего числа в крае). Но по результатам конкурсов лишь 149 РПУ было закреплено за 79 общинами. Причина «недоиспользования» выделенных РПУ связана с тем, что введённый конкурс на право заключения договора о предоставлении РПУ не даёт общинам малочисленных народов преимущества на получение рыбопромысловых участков на территории своего района, участки часто выделяются в отдалённых, труднодоступных местах, а без наличия РПУ общины не могут получить квоты на вылов рыбы. В результате, например, в Николаевском районе Хабаровского края из 43 общин только 8 имели в пользовании 9 РПУ³.

Таким образом, основные этносохраняющие виды традиционного хозяйства КМНС Дальнего Востока с большими трудностями встраиваются в рыночные отношения. Резкое повышение цен на энергоносители, высокие транспортные тарифы и отказ государства дотировать производимую продукцию в прежних объёмах отрезали эти отрасли от рынков сбыта, привели к их стремительному свёртыванию. Мощности современных производств, организуемых общинами коренных народов и предпринимателями из числа КМНС, как правило, невелики, ориентированы в первую очередь на внутреннее потребление и потому неизбежно не имеют и не могут иметь высокой рентабельности. Кроме того, данные виды традиционного хозяйства не защищены от конкуренции. Рост эффективности какой-либо отрасли приводит к тому, что она переходит в руки некоренного населения. Как следствие, вопросы сохранения и развития традиционного хозяйства КМНС должны оставаться в числе важнейших направлений государственной политики РФ.

Политика государственной поддержки в России: история вопроса и современное состояние

Анализ государственной политики по поддержке традиционного образа жизни малых народностей Севера показывает, что в своём становлении она прошла три этапа: имперский, советский и современный. За это время она эволюционировала от политики невмешательства и консервации традиционного образа жизни через попытку полной интеграции и модернизации традиционной жизнедеятельности КМНС в советский период к политике «партнёрских отношений» в настоящее время (*табл. 3*).

К началу XIX в. созрело понимание того, что несистемными мерами вопросы интеграции аборигенного населения не решить. Была осознана потребность в создании новой концепции организации политики поддержки малых народов.

¹ <http://www.arctic-info.ru/encyclopedia/indigenous-peoples/rybolovstvo/>

² Федеральный закон РФ № 166-ФЗ от 20 декабря 2004 г. «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов».

³ <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Korennye-malochislennyye-narody-Severa/>

Таблица 3

Оценка результативности политики государственной поддержки КМНС
на разных исторических этапах

Период (характеристика политики)	Результаты, достоинства	Недостатки
Имперский (политика косвенного управления), XVII в. – начало XX в.	Этап 1 (XVII в. – начало XVIII в.) Натуральный налог пушниной («ясак») Невмешательство во внутреннюю жизнь «ясачных инородцев», сохранение традици- онных форм социальной организации	Отсутствие системных мер поддержки малочисленных на- родов
	Этап 2 (начало XVIII в. – начало XIX в.) Переход на денежную систему налогообло- жения, активизация миссионерской деятель- ности, христианизация туземцев	Борьба с язычеством, вмеша- тельство в семейно-брачные отношения, провал политики ассимиляции коренных народов
	Этап 3 (начало XIX в. – начало XX в.) Декларация и попытка реализации системной политики в отношении КМНС («Устав об управлении инородцев» М.М. Сперанского, 1822 г.): – закрепление традиционных территорий, форм самоуправления и организации хозяй- ственной деятельности; – принцип равенства в гражданских правах аборигенного и русского населения при усло- вии сохранения своеобразия образа жизни и нравов коренного населения; – увязаны проблемы выживания аборигенов и сохранения их среды обитания (впервые на уровне закона)	Политика невмешательства сохранила в зачаточном состо- янии ситуацию с социальной защитой коренных народов в части здравоохранения, образо- вания и т.п.
Советский (патерналистская политика), 1920–1980 гг.	Создание национально-территориальных об- разований, введение этнического самоуправ- ления Малые народности Севера не облагались го- сударственными и промысловыми налогами Материально-финансовая поддержка главных форм хозяйствования народностей Севера	Негативное воздействие на ис- конную среду обитания Переход от самоуправления к государственному управлению малыми народностями Севера Изменение традиционного об- раза жизни народов Севера
Современный (политика «партнёрских отношений»), конец 1980-х гг. – настоящее время	1980–2000 гг. Укрепление институтов самоорганизации малых народностей Севера и их партнёрства с органами власти	Формальный характер органи- зации местного самоуправле- ния на Севере КМНС лишены возможности распоряжаться ресурсами тер- риторий традиционного прожи- вания, финансовыми потоками Нехватка финансов для органи- зации реального самоуправле- ния КМНС
	2000 г. – настоящее время Название «малые народности Севера» в на- чале 1990-х гг. было заменено на КМНС Признание права КМНС на собственный вы- бор пути развития и существования	

Источники: составлено по [3; 17; 20; 21].

Предложенный в 1822 г. генерал-губернаторов Сибири М.М. Сперанским «Устав об управлении инородцев»¹ включал элементы выдающейся для своего времени системы взаимоотношений государственной власти и коренных народов. В документе учитывались особенности исторического, этнического, правового и экономического развития, а также специфических взаимоотношений с окружающей средой, отличающих инородцев от остальных российских граждан. Устав имел стратегическую направленность «на вырост», и на столетие вперёд определил основные моменты взаимоотношения государства и малых народов. Не случайно многое из лучших практик российского законодательства о коренных народах начала XIX в. так созвучно международным принципам построения взаимоотношений органов государственной власти с малыми народами конца XX в.

В целом в отношении северных народов в имперский период в России проводилась политика косвенного управления (государственная власть не вмешивалась в обыденную жизнь коренных народов). В результате такой политики к началу XX в., несмотря на имевшую место недобросовестную конкуренцию со стороны некоренного населения, аборигенам удалось в значительной мере сберечь этнокультурную специфику, традиционный хозяйственный уклад и социальную организацию, что обеспечило сохранение этнической самобытности.

В советский период в отношении народов Севера национальная политика изменялась от государственно-правового обустройства «народностей северных окраин» (1930-е гг.) до «советизации», характеризовавшейся мерами государственной протекции и воздействия на все сферы жизнедеятельности народов Севера и переходом от самоуправления народностей Севера к государственному управлению этими народами [20]. В целом политика советского государства по отношению к малым народностям Севера носила откровенно патерналистский характер. Государство, оказывая им различного рода помощь, определяло, как и в каком направлении развивать хозяйство, языковую и культурную политику, лишая тем самым самостоятельного выбора и личной инициативы².

Современный этап государственной политики в отношении КМНС условно можно подразделить на два периода – постсоветский (с конца 1980-х гг. до 2000 г.) и новейший (с 2000 г. по настоящее время) [16]. Значительным достижением 1990-х гг. было укрепление институтов самоорганизации коренных народов и их партнерства с органами власти. В это время произошло становление и развитие Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (RAIPON)³, ставшей мощным инструментом защиты их прав.

Структура основных имеющихся на сегодняшний день организационно-экономических инструментов сохранения и развития традиционного хозяйства КМНС включает федеральные и региональные целевые программы, субсидии, налоговые льготы и компенсационные соглашения. Каждый из названных инструментов имеет собственные декларируемые сферы применения и особенности реализации (*табл. 4*).

В 1991–2007 гг. Правительство России неоднократно предпринимало попытки использования программно-целевого метода для решения проблем государственной поддержки сохранения и развития традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС. Однако недостаточное финансирование мероприятий федеральных целевых программ [13] и их при-

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (1822–1823). СПб., 1830. Т. XXXVIII. С. 394–417.

² Государство финансировало производственные инвестиционные программы совхозов и социальные программы в сёлах за счёт федеральных капиталовложений (строительство школ, амбулаторий, клубов, интернатов и т.п.), субсидировало затраты на продовольственные и промышленные товары.

³ <http://www.raipon.info/akmnss-i-dv-rf/>

знания невысокая эффективность¹ привели к тому, что, несмотря на принятие в ноябре 2007 г. Концепции федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ до 2015 года»², разработка федеральной программы была прекращена. Начиная с 2009 г. федеральная система оказания государственной поддержки экономического и социального развития КМНС изменена в пользу целевых субсидий, направляемых из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ, на территориях которых проживают малые народы.

На региональном уровне использование региональных целевых программ поддержки КМНС продолжается, хотя и признаётся, что подобная деятельность наиболее эффективна в регионах-донорах, так как без соответствующего финансового обеспечения разработка и реализация региональных программ невозможна.

Таблица 4

Характеристика основных организационно-экономических инструментов стимулирования традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС в России

Инструменты	Декларируемые направления использования	Особенности (проблемы) реализации
Федеральные целевые программы	Государственная поддержка сохранения и развития КМНС и их традиционных видов хозяйственной деятельности	Нерациональные сроки выполнения мероприятий Низкий уровень экспертизы программ Частое недофинансирование программ
Региональные целевые программы		Отставание в формировании финансовых и организационных механизмов программ Отсутствие регламентированных правил секвестирования программных ресурсов
Субсидии	Софинансирование мероприятий по развитию традиционных отраслей хозяйствования КМНС	Нецелевое использование бюджетных средств Отсутствие объективной оценки эффективности использования субсидий
Налоговые льготы	Получение преимуществ в ведении хозяйственной деятельности КМНС путём предоставления налоговых льгот	Отсутствие дополнительных правовых норм (подзаконных актов) на уровне субъекта РФ Несоответствие региональных подзаконных актов с изменившимися нормами федеральных ресурсных законов
Компенсационные соглашения	Закключаются с промышленными компаниями для компенсации негативного воздействия на жизнь и деятельность КМНС	Размер выплат привязывается не к оцениваемому потенциальному ущербу от промышленной деятельности, а к текущим хозяйственным потребностям КМНС Усиливается региональная дифференциация социально-экономического положения малых народов Рост иждивенческих настроений среди КМНС

Источники: составлено по [13; 16; 19; 21].

¹ http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/2012-07-05-buletен_doc_files-fl-2246.pdf

² Распоряжение Правительства РФ № 1661-р от 21 ноября 2007 г. «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока до 2015 года».

Налоговые льготы для КМНС установлены в рамках современного налогового законодательства. В части федеральных налогов это касается земельного налога, налога на доходы физических лиц (за исключением оплаты труда наёмных работников), платежей за пользование объектами водных биологических ресурсов и животного мира. Кроме того, для общин КМНС и других хозяйствующих субъектов КМНС имеется возможность использовать упрощённую систему налогообложения. На региональном уровне субъекты РФ могут устанавливать льготы по налогу на имущество и транспортным налогам, а также в рамках той части федеральных налогов, которая остаётся у субъекта РФ.

Компенсационные соглашения – достаточно новый тип взаимоотношений ресурсных компаний с организациями КМНС и органами региональной власти, получившие на Дальнем Востоке распространение на Сахалине, в Якутии, Приморском и Хабаровском краях.

На Сахалине начиная с середины 2005 г. ведётся планомерная совместная работа некоммерческих организаций коренного населения и компаний, осуществляющих проект «Сахалин-2», по смягчению негативного воздействия и поддержке развития коренных народов острова. Документация проекта «Сахалин-2» доступна для общественности; результаты анализа оценки воздействия проекта на земли традиционного природопользования коренных народов Сахалина нашли конкретное воплощение в разработке совместно с представителями КМНС острова и экологических организаций «Плана содействия развитию коренных малочисленных народов Севера Сахалина»¹. План является трёхсторонней программой, которая совместно реализуется компанией «Сахалин Энерджи», Правительством Сахалинской области и Региональным советом уполномоченных представителей КМНС области.

На территории Республики Саха (Якутия) в местах компактного проживания КМНС работают 144 недропользователя. Отчуждение территорий традиционного природопользования отмечается в Алданском, Анабарском, Булунском, Ленском и Нерюнгринском улусах. Для компенсации подобного положения в 2015 г. в республике было заключено двадцать одно соглашение с недропользователями, осуществляющими свою деятельность в местах компактного проживания малочисленных народов Якутии [4].

В Хабаровском крае на территории 9 муниципальных районов в 2016 г. действовало 11 социально-экономических соглашений с компаниями, осуществляющими свою деятельность на территориях проживания КМНС. Наиболее успешным опытом является реализация социально-экономического соглашения между компанией АО «Полиметалл» и Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края [7, с. 28]. В рамках соглашения о сотрудничестве АО «Полиметалл» осуществляет инвестиции в развитие традиционных методов хозяйствования КМНС и сохранение их культуры. Помощь выражается в поставках жизненно необходимых материалов общинам и кочевым оленеводческим бригадам (в том числе горюче-смазочных материалов и продуктов питания), организации качественного медицинского обслуживания для проживающих в отдалённых местах представителей КМНС, поддержке проектов, направленных на сохранение национальной культуры коренных народов. Компания оказывает адресную помощь социально незащищённым гражданам из числа КМНС (малоимущим, пенсионерам и многодетным семьям, семьям, воспитывающим детей-инвалидов). Силами компании решаются актуальные социальные и инфраструктурные проблемы в отдалённых национальных поселениях – ремонт детских дошкольных учреждений, материально-техническое оснащение объектов социальной сферы.

Опыт применения компенсационных соглашений на Дальнем Востоке выявил ряд проблем: – размер выплат в соглашениях привязывается не к потенциальному оцениваемому ущербу

¹ <http://www.simdp.ru/?id=18&pid=13>

бу от ведения деятельности компаниями-недропользователями на территориях традиционного проживания КМНС, а к текущим хозяйственным нуждам КМНС;

- возникают иждивенческие настроения среди части КМНС;
- усиливается региональная дифференциация социально-экономического положения малых народов в макрорегионе.

Зарубежный опыт и возможности его использования для стимулирования хозяйственно деятельности КМНС на Дальнем Востоке

Незавершенность российской модели взаимоотношений государства и КМНС, делают актуальным изучение зарубежного опыта сохранения традиционного хозяйства и традиционного образа жизни народностей Севера, в частности, Канады и Аляски (США).

Отличие российского опыта от зарубежного заключается не столько в постановке целей и формулировке задач, сколько в системе понятий и отправных точках формирования политики. За рубежом отсутствует понятие «малочисленные народы», и политика направлена на «коренные народы» в целом, вне зависимости от их численности. То есть за рубежом особая политика формируется не как покровительственная в связи с угрозой исчезновения, а как политика отношений между различными общественными группами [16].

Основные принципы взаимоотношений коренных жителей с государством являются схожими и в США, и в Канаде и включают:

- денежную компенсацию за потерю исторических прав на землю в прошлом¹;
- реализацию прав на землепользование, недропользование и пользование биологическими ресурсами в пределах отведённых территорий;
- создание организаций коренных народов для закрепления прав коллективной собственности на ресурсы и формирование финансовых институтов, осуществляющих сберегательную и инвестиционную функции для компенсационных выплат и других источников финансирования (траст-фонд, фонд коренных народов Аляски, фонды региональных корпораций и т.п.) [8, с. 145–180].

Сравнение российского опыта организации взаимоотношений аборигенных народов и государства с опытом Канады и США показывает, что повышение результативности стимулирующих мер может затрудняться отсутствием надлежащего регулирования прав коренных народов на безвозмездное владение землёй и приоритетное природопользование. Благодаря законодательному закреплению прав на биологические ресурсы и недра территории за коренными народами в США и Канаде реализуется эффективный механизм защиты традиционного жизнеобеспечения, предоставляется финансовая основа для развития традиционного хозяйства как на коммерческих, так и некоммерческих началах [16, с. 455–472].

Особым организационным механизмом обеспечения устойчивости традиционного природопользования, а также разрешения экологических проблем и конфликтов между коренными народами, государством и бизнесом в Канаде и США является особый режим совместного управления природными ресурсами – соуправление (co-management) [18, с. 70].

Режим соуправления – это организационный механизм согласования интересов государственных природно-ресурсных ведомств и групп пользователей по конкретному земельному участку, включающий:

¹ Так, общий объём финансовых средств, полученных канадскими общинами через комплексные договоры по земельным требованиям на территории Севера, превышает 5 млрд долларов [1, с. 23].

- определение прав и обязанностей для всех природопользователей данного региона;
- регламентацию действий природопользователей и других заинтересованных участников при различных обстоятельствах;
- описание процедур принятия коллективных решений, затрагивающих интересы государственных служб, организаций и отдельных пользователей.

Необходимость в применении режима соуправления возникает на проблемных территориях при катастрофическом сокращении численности популяции, крайне неравномерном характере распространения биологических видов, сложном характере экологических проблем, наличии конфликтов между различными группами природопользователей, при земельном планировании и организации сети особо охраняемых природных территорий. Поэтому данный режим не имеет повсеместного распространения, а вводится на проблемных территориях и ареалах обитания биологических видов. Впервые соуправление было введено на северных территориях Канады и в штате Аляска в 1970-х гг.

Финансовые инструменты сохранения и развития традиционного хозяйства в Канаде и на Аляске концентрируются на финансировании социальных программ для коренных народов Севера и экономических программ сохранения и развития традиционного хозяйства (траст-фонды, фонды круговой поруки, фонды самофинансирования) [8, с. 145–180].

Траст-фонд является инструментом аккумуляирования и перераспределения значительных денежных средств для программ занятости коренного населения и накопления средств для будущего социального и коммерческого использования.

Сравнительный анализ механизмов сохранения и развития коренных народов и их традиционного хозяйства в Канаде, США и России представлен в [таблице 5](#).

Таблица 5

Сравнительный анализ механизмов сохранения и развития коренных народов и их традиционного хозяйства в Канаде, США и России

Типы механизмов	Опыт Канады и США	Российский опыт
Система соуправления природными ресурсами	Участие коренных народов в организации процесса недропользования и в системе управления ресурсами животного мира	Право участия лишь в экологической экспертизе проектов
Государственные программы социальной поддержки	Система программ охватывает все уровни власти	С 2009 г. в основном региональный уровень
Корпоративные программы социальной поддержки	Разнообразные программы добывающих компаний	Единичные программы в ряде регионов (например, в Приморском крае – «Терней-лес», в НАО – «Лукойл»)
Экономические соглашения	Разнообразные соглашения с добывающими компаниями	В ряде регионов с компаниями нефтегазового сектора (в Сахалинской области – «Сахалин Энерджи»)
Специальные финансовые институты	Траст-фонды, фонды круговой поруки, фонды самофинансирования	Попытки создания фондов в ряде регионов Сибири. Для большинства из них отмечалось нецелевое использование средств (например, опыт «Северного фонда» в ХМАО)

Источники: составлено по [1; 7; 8, с. 145–180; 16, с. 455–472].

Исследования проблем коренных малочисленных народов Севера показывают, что при планировании промышленных проектов на российском Севере следует использовать лучшие зарубежные модели отношений с коренными народами. Да, в России имеются особая история взаимоотношений КМНС и государства, свой путь перехода к системе рыночного регулирования и своя система правового регулирования традиционных видов хозяйственной деятельности. Однако закрепление на законодательном уровне прав КМНС на биологические ресурсы и ресурсы недр территории позволит снизить кризисные явления и сдерживающие факторы развития традиционного хозяйства, являющегося основой жизнедеятельности малых народов.

Последние инициативы организаций КМНС в Хабаровском крае и на Сахалине в части закрепления за коренными народами территорий традиционного природопользования и хозяйствования, обеспечения участия аборигенов в деятельности крупнейших корпораций, осваивающих нефтяные и газовые месторождения, были поддержаны региональными правительствами [1, с. 32]. Это показывает, что в Российской Федерации созрело понимание того факта, что северные районы необходимо развивать не только в качестве сырьевой базы страны, но и как уникальный регион проживания КМНС, от комплексного развития которого зависит благополучие страны и суверенитет государства на Севере Дальнего Востока и в Арктике в целом.

Заключение

При освоении Арктики и Севера Дальнего Востока необходимо сочетание сильной роли государства в принятии и реализации стратегических решений по развитию этого региона как важнейшей составной части единого экономического пространства страны с новой эффективной моделью привлечения частных инвестиций на Север, работающих на принципах социальной ответственности и учёта интересов коренных малочисленных народов Севера в области традиционных видов хозяйственной деятельности.

Мощности современных производств, организуемых общинами коренных народов и предпринимателями из числа КМНС, как правило, ориентированы на внутреннее общинное потребление, то есть нацелены не на максимизацию рентабельности, а на решение социальных проблем малых народов. Для повышения результативности традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС целесообразно решить ряд вопросов.

На федеральном уровне следует рассмотреть вопрос о закреплении права коренных народов на безвозмездное владение землёй и приоритетное природопользование, а также правового регулирования отношений с недропользователями.

На региональном уровне необходимо:

- расширить перечень мероприятий по поддержке и развитию традиционного хозяйства в государственных программах развития КМНС;
- отойти от «благотворительности» государственных программ и перейти к программам развития экономики аборигенных поселений и их территорий;
- придать экономическим соглашениям с добывающими компаниями компенсационный характер;
- рассмотреть вопросы соуправления, когда КМНС не только участвуют в экспертизе проектов на начальной стадии их реализации, но и имеют право контролировать ситуацию на ресурсных объектах в процессе их эксплуатации.

Список литературы

1. Алексеев В. Основные направления государственной политики Канады по освоению северных территорий на рубеже XX и XXI веков // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 21–33.
2. Богоявленский Д. Последние данные о численности народов Севера. URL: <http://www.csipn.ru/glavnaya/actual/1204-poslednie-da> (дата обращения: 14.03.2017).
3. Виноградова С.Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 127–139.
4. Губарев В. В Якутии значительно сократилось поголовье оленей. URL: <http://www.lsn.ru/167837.html> (дата обращения: 14.03.2017).
5. Клоков К.Б. Современное состояние циркумполярного оленеводства. URL: http://jurant.iea.ras.ru/ru/publications/reindeer_disc/olen/klokov.html (дата обращения: 14.03.2017).
6. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития в современных условиях. СПб, 1997. 44 с.
7. Коренные народы и промышленные компании: лучшие практики сотрудничества в Российской Федерации / под ред. О.В. Аксеновой, Р.В. Суляндзига, И.В. Вронского. М., 2012. 54 с.
8. Краснопольский Б.Х. Государственное управление природопользованием: опыт США. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 224 с.
9. Леонов С.Н. Проблемы и перспективы развития Арктики Дальнего Востока России // Экономика Востока России. 2014. № 2. С. 14–19.
10. Леонов С.Н. Становление муниципальной статистики, ее современное состояние и соответствие потребностям исследований региональной экономики // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 223–230.
11. Лиманзо А.Г. Обеспечение права КМНС на приоритетный доступ к охотничьим угодьям и ресурсам // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Под общ. ред. В.А. Штырова. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. С. 104–113.
12. Минакир П.А., Леонов С.Н. Методологические проблемы прогнозирования развития Арктики Дальнего Востока России // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2014. Т. 17. № 3. С. 540–551.
13. Миронов А.Ю. Проблемы предоставления и использования средств государственной поддержки коренных малочисленных народов // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Под общ. ред. В.А. Штырова. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. С. 171–181.
14. Мотрич Е.Л. Народонаселение Дальнего Востока России: настоящее и будущее // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 29–36.
15. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / под ред. А.И. Татаркина, В.В. Кулешова, П.А. Минакира. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 1226 с.
16. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. А.И. Татаркина. СПб: Нестор-История, 2014. 844 с.
17. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н.И. Новикова, Д.А. Функ. М.: Издание ИЭА РАН, 2012. 288 с.
18. Суляндзига П.В. Инструменты сохранения и развития традиционного хозяйства коренных мало-

численных народов Севера России: региональный аспект: дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2006. 169 с.

19. Суляндзига П.В. Традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера в рыночных условиях: российские реалии и международный опыт // Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 246–259.

20. Штыров В.А. Государственная политика в области обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Под общ. ред. В.А. Штырова. М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2012. С. 8–23.

21. Юдин В.И. Государственная политика РФ в отношении коренных малочисленных народов Севера на современном этапе // Власть. 2010. № 2. С. 37–40.

References

1. Alekseev V. The Main Trends of Federal Policy on the Canadian North Developing in the End of 20th Century – Beginning of 21st Century. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnyye nauki* [Arctic. 21st Century. The Humanities]. 2014. No. 1. Pp. 21–33. (In Russian)
2. Bogoyavlensky D. *Recent Data on the Population of the North*. Available at: <http://www.csipn.ru/glavnaya/actual/1204-poslednie-da> (accessed 14 March 2017). (In Russian)
3. Vinogradova S.N. Forming of the Public Policy with Respect to the Indigenous Peoples: Retrospective Analysis. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Kola Science Center of RAS]. 2010. No. 2. Pp. 127–139. (In Russian)
4. Gubarev V. *The Number of Yakutian Deer Is Decreased Significantly*. Available at: <http://www.1sn.ru/167837.html> (accessed 14 March 2017). (In Russian)
5. Klovov K.B. *Current State of Circumpolar Deer Breeding*. Available at: http://jurant.iea.ras.ru/publications/reindeer_disc/olen/klovov.html (accessed 14 March 2017). (In Russian)
6. Klovov K.B. *Traditional Nature of the North: The Concept of Conservation and Development in Modern Conditions*. S.-Petersburg, 1997. 44 p. (In Russian)
7. *Indigenous People and Industrial Companies: Best Practices of Cooperation in the Russian Federation*. Ed. by O.V. Aksenov, R.V. Sulyandziga, I.V. Vronskiy. Moscow, 2012. 54 p. (In Russian)
8. Krasnopolskiy B.Kh. *Environmental Government: USA Experience*. Khabarovsk, 2008. 224 p. (In Russian)
9. Leonov S.N. Problems and Prospects of Development of the Arctic Zone of the Russian Far East. *Ekonomika Vostoka Rossii* [Economy of the Russian East]. 2014. No. 2. Pp. 14–19. (In Russian)
10. Leonov S.N. Formation of Municipal Statistics, Its Modern Condition and Conformity to the Requirements of Regional Economy Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2015. No. 400. Pp. 223–230. (In Russian)
11. Limanzo A.G. Ensuring the Right of Indigenous Peoples to the Priority Access to the Hunting Grounds and Resources. In: *The Current State and Ways of Development of Indigenous Small Peoples of North, Siberia and Far East of Russian Federation*. Ed. by V.A. Shtyrov. Moscow, 2012. Pp. 104–113. (In Russian)
12. Minakir P.A., Leonov S.N. Methodological Problems of Forecasting of Development in the Far East Arctic Regions. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Murmansk State Technical University]. 2014. Vol. 17. No. 3. Pp. 540–551. (In Russian)
13. Mironov A.Y. Problems of Provision and Use of State Support of Indigenous People. In: *The Current State and Ways of Development of Indigenous Small Peoples of North, Siberia and Far East of Russian Federation*. Ed. by V.A. Shtyrov. Moscow, 2012. Pp. 171–181. (In Russian)

14. Motrich E.L. Population of Russian Far East: Present and Future. *Vestnik Dalnevostochnogo otdelenia Rossiiskoy akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2013. No. 1. Pp. 29–36. (In Russian)
15. *From Idea of Lomonosov to Real Development of Territories of Urals Mountains, Siberia and Far East*. Ed. by A.I. Tatarkin, V.V. Kuleshov, P.A. Minakir. Ekaterinburg, 2009. 1227 p. (In Russian)
16. *Russian Arctic: The Modern Paradigm of Development*. Ed. by A.I. Tatarkin. S.-Petersburg, 2014. 844 p. (In Russian)
17. *The North and the Northerners. The Current Situation of Indigenous Small People of North, Siberia and Far East of Russia*. Ed. by N.I. Novikova, D.A Funk. Moscow, 2012. 288 p. (In Russian)
18. Sulyandziga P.V. *Instruments of Preservation and Development of Traditional Economy of Indigenous Small People of the North of Russia: Regional Aspect*. PhD Dissertation. Novosibirsk, 2006. 169 p. (In Russian)
19. Sulyandziga P.V. Traditional Aboriginal Economies in Market Economy: Russian Realities and World's Experience. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2006. No. 4. Pp. 246–259. (In Russian)
20. Shtyrov V.A. State Policy in the Field of Sustainable Development of Indigenous Small Peoples of North, Siberia and Far East of Russian Federation. In: *The Current State and Ways of Development of Indigenous Small Peoples of North, Siberia and Far East of Russian Federation*. Ed. by V.A. Shtyrov. Moscow, 2012. Pp. 8–23 (In Russian)
21. Yudin V.I. Russian State Policy on Indigenous People at the Present Stage. *Vlast'* [Power]. 2010. No. 2. Pp. 37–40. (In Russian)

■ ■ ■

Для цитирования:

Леонов С.Н., Шеварёва Я.С. Проблемы и перспективы развития традиционных видов хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Дальнего Востока // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 2. С. 26–45. DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

For citing:

Leonov S.N., Shevareva Ya.S. Problems and Prospects of Development of Traditional Economic Activities of Indigenous People of Russian Far Eastern North. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 26–45. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

■ ■ ■

**Дёмина
Яна
Валерьевна**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**Dyomina
Yana
Valeryevna**

Ph.D. in economics,
research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

yandemi@yandex.com

УДК 339

ТОРГОВОЕ И ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В статье рассмотрено торговое и инвестиционное сотрудничество России и стран Восточной Азии. Акцент сделан на трёх товарных группах: текстиль, одежда и изделия из кожи. Наиболее тесные связи наблюдаются у России со странами Северо-Восточной Азии, при этом торговые потоки преобладают над инвестиционными. Наша страна по-прежнему участвует в существующих в регионе международных производственных сетях только в качестве поставщика сырья, не используя возможности встраивания в более высокие уровни данных сетей.

Производственные сети, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, Восточная Азия, Камбоджа, Вьетнам, Китай, Россия

TRADE AND INVESTMENT COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND EAST ASIAN COUNTRIES

The article considers trade and investment cooperation between Russia and East Asian countries. The author emphasizes 3 commodity groups: textiles, clothes and leather products. Russia has the closest ties with the countries of Northeast Asia, at the same time trade flows prevail over investment ones. Russia still participates in international production networks (IPNs) only as a supplier of raw materials, without using a possibility of embedding on higher levels of IPNs.

Production networks, foreign trade, foreign direct investment, East Asia, Cambodia, Vietnam, China, Russia

Страны Восточной Азии¹ активно привлекают капитал из других регионов. Так, приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику региона достиг 273,3 млрд долларов в 2014 г., увеличившись в 3,4 раза по сравнению с 2001 г. [4]. При этом основными инвесторами в экономику стран АСЕАН в 2014 г. являлись ЕС (19,2%), сами члены АСЕАН (17,0%), Япония (12,1%), США (11,3%) и Гонконг (7,5%)². Для стран «Большой тройки» основными инвесторами выступили Гонконг, Япония, США, Нидерланды и Британские Виргинские острова [4].

Привлечение ПИИ в регион связано с функционированием международных производственных сетей. Изначально сборочные предприятия создавались на территории Китая, но монотонный рост зарплат в КНР вынуждает ТНК переносить производство в страны АСЕАН, где рабочая сила дешевле. Наибольшая добавленная стоимость при этом создаётся в секторе электрического и электронного оборудования, далее следуют текстильная промышленность и производство одежды и изделий из кожи, третью позицию занимает химическая промышленность [7]. Важную роль также играет производство транспортных средств и углеводородов, однако добавленная стоимость, аккумулируемая странами Юго-Восточной Азии в данном случае, существенно меньше, чем в случае перечисленных выше секторов.

Производственные сети в секторе электрического и электронного оборудования достаточно подробно изучены в экономической литературе. Производству текстиля, одежды и изделий из кожи уделяется гораздо меньше внимания, хотя для менее развитых стран региона эти товарные группы составляют существенную статью экспорта³. Так, суммарная доля трёх указанных производств в экспорте Камбоджи составляет 66,1%, Вьетнама – 25,8%, Китая – 16,4% [2].

Роль России в регионе пока незначительна: ни для одной из стран Восточной Азии она не является основным торговым или инвестиционным партнёром. Так, в среднем за период 2005–2014 гг. её доля превышала 1% только в совокупном товарном экспорте Вьетнама, Республики Корея, Японии и Китая, в импорте – Вьетнама, Таиланда, Филиппин, Республики Корея, Японии и Китая (рис. 1). Среди всех изучаемых стран наиболее тесно с Россией связана «Большая тройка».

Роль России во внешней торговле Китая, Камбоджи и Вьетнама текстилем, одеждой и изделиями из кожи весьма скромна (рис. 2).

В среднем за 2005–2014 гг. доля нашей страны в товарообороте по трем выделяемым группам товаров превышала 1% только для Китая (3,3%), варьируясь от 2,3% в 2009 г. до 5,4% в 2007 г. Средние значения для Камбоджи и Вьетнама составили 0,3% и 0,5% соответственно. Россия занимает значимую позицию только в качестве потребителя одежды, произведённой в КНР (третье место в экспорте Китая по данной товарной группе). Первое место в географии внешней торговли текстилем, одеждой и изделиями из кожи трёх рассматриваемых государств занимают США⁴.

¹ Под Восточной Азией в данной работе подразумеваются страны АСЕАН+3: десять стран АСЕАН (Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам), а также «Большая тройка» (Япония, Китай и Республика Корея).

² <http://aseanstats.asean.org/>

³ Подробнее см. в [4].

⁴ <http://aseanstats.asean.org/>

Рис. 1. Доля России в товарном экспорте и импорте стран Восточной Азии в среднем за 2005–2014 гг., %

Примечание: данные по Лаосу, Мьянме и Брунею отсутствуют.

Источник: рассчитано автором по <http://unctadstat.unctad.org>

Рис. 2. Доля России в товарообороте Китая, Камбоджи и Вьетнама по трём товарным группам (текстиль, одежда и изделия из кожи) в 2005–2014 гг., %

Источник: рассчитано автором по <http://comtrade.un.org>

Низкая степень вовлечённости России в региональные торговые и производственные сети объясняется её скромной ролью в инвестиционных потоках, привлекаемых странами Восточной Азии (*табл. 1*). Так, ПИИ в объёме более 1 млрд долларов в год были вложены только в экономики Сингапура и Вьетнама.

Таблица 1

Экспорт ПИИ из России в страны Восточной Азии в 2010–2014 гг., млн долларов

Страна	2010	2011	2012	2013	2014
Сингапур	3	3	1 252	2 332	2 495
Вьетнам	1 022	1 079	412	558	2 240
Таиланд	66	116	163	275	421
Китай	108	123	234	181	184
Республика Корея	17	13	33	26	33
Япония	23	23	21	20	28
Индонезия	0	0	0	–3	6
Малайзия	4	9	5	5	–1
Лаос	3	0	0	0	0
Мьянма	0	0	0	0	0
Бруней	0	0	0	0	0
Камбоджа	0	0	0	0	0
Филиппины	0	0	0	0	0

Источник: составлено по <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&sId=1424361335820>

Доля нашей страны в объёме поступивших в государства Восточной Азии ПИИ в среднем за 2010–2014 гг. составила более 1% только для Вьетнама (12,6%), Японии (3,7%), Таиланда (2,3%) и Сингапура (2,1%)¹. Для России указанные страны играют ещё менее значительную роль в качестве реципиентов капитала: удельный вес ни одной из них не превышает 1% от общего объёма ПИИ, размещаемых РФ за рубежом. Доля Сингапура и Вьетнама составила по 0,3% в среднем за 2010–2014 гг., Таиланда – 0,1%². Основные направления для российских инвестиций – это Кипр, Британские Виргинские острова и Нидерланды³.

Инвестиционное сотрудничество России с тройкой стран-лидеров Восточной Азии по объёму товарооборота в трёх товарных группах (текстиль, одежда и изделия из кожи) пока представлено скромно и совершенно в иных областях. Так, основной сферой двухстороннего инвестиционного сотрудничества России и Вьетнама является нефтегазовая отрасль. В число российских нефте- и газодобывающих компаний, инвестировавших средства в проекты во Вьетнаме, входят ОАО «Газпром», ОАО «Роснефть» и ОАО «Зарубежнефть»⁴. Помимо нефтегазового сектора Россия реализует во Вьетнаме более 90 проектов с инвестициями на сумму 2 млрд долларов [3]. Сотрудничество осуществляется по следующим направлениям:

¹ Рассчитано автором по данным *IMF Coordinated Direct Investment Survey*, *UNCTAD Bilateral Foreign Direct Investment Statistics Database* и *UNCTAD Foreign Direct Investment Statistics Database*. Доля России в объёме привлечённых Вьетнамом ПИИ, по данным национальной статистической службы этой страны, составляет только 1%.

² Рассчитано автором по данным *IMF Coordinated Direct Investment Survey*.

³ <http://data.imf.org/?sk=40313609-F037-48C1-84B1-E1F1CE54D6D5&sId=1424361335820>

⁴ http://www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/vn_ru_relations/vn_rus_projects/

- строительство энергетических мощностей¹;
- металлургия;
- резинотехническая промышленность;
- машиностроение;
- туризм;
- производство соли;
- мобильная связь;
- коммерческая недвижимость;
- сборочное производство;
- производство продуктов питания;
- банковская² и страховая деятельность;
- транспорт;
- складское обслуживание и пр. [3; 5].

Вьетнам осуществляет на территории РФ 16 проектов на общую сумму 2,07 млрд долларов в таких областях, как добыча нефти и газа, банковская сфера и торговля [3]. Основная доля вьетнамских вложений приходится на 2 совместных проекта в области добычи нефти и газа – ООО «Газпромвьет» и ООО «СК «Русвьетпетро». В настоящее время в России помимо совместных проектов нефте- и газодобычи реализован лишь один крупный проект, финансируемый за счёт вьетнамских инвестиций, – строительство культурно-делового центра «Ханой – Москва» (общий объём инвестиций – 240 млн долларов). Проект реализован на основе двухстороннего соглашения между администрациями городов Москва и Ханой, застройщик проекта – акционерная инвестиционная компания «Инцентра»³.

Три рассматриваемых отрасли Камбоджи (как и страна в целом) также не являются приоритетной сферой приложения российского капитала. В настоящее время в стадии реализации находятся крупные проекты в следующих сферах: телекоммуникации («Вымпелком»); туризм (курортная зона г. Сиануквиль, «Koh Puos Investment Group»); фармацевтическая промышленность («Полисан»)⁴. Основные страны-инвесторы в производство текстиля и одежды данного государства – Тайвань (28%), Китай (21%) и Гонконг (17%) [8].

Основными отраслями российско-китайского двухстороннего инвестиционного сотрудничества являются энергетика, освоение месторождений полезных ископаемых, переработка древесины, строительство, торговля, промышленное производство, сельское хозяйство и инфраструктура (*табл. 2*).

На конец 2015 г. объём накопленных прямых российских инвестиций в Китае составил 946,9 млн долларов, объём накопленных прямых китайских инвестиций в России – 8 940,0 млн долларов⁵. Крупнейшие инвесторы в текстильную, швейную и кожевенную промышленность

¹ При содействии Государственной корпорации «Росатом» реализуется проект сооружения первой во Вьетнаме АЭС «Ниньтуан-1», предполагающий комплексное развитие вьетнамской атомной отрасли, включая разработку нормативно-правовой базы и подготовку кадров (см.: <http://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom>).

² Например, Вьетнамско-Российский совместный банк (ВРБ), участниками которого в равных долях являются государственный Банк инвестиций и развития Вьетнама (BIDV) и ОАО Банк ВТБ (см.: <http://www.mid.ru/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom>).

³ http://www.ved.gov.ru/exportcountries/vn/vn_ru_relations/vn_rus_projects/

⁴ <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/71650600463b6180b340ff293491a18d/kambodja.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=71650600463b6180b340ff293491a18d>

⁵ <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>

Таблица 2

Примеры российско-китайского инвестиционного сотрудничества

Отрасль	Примеры
Энергетика	Поставки электроэнергии из Амурской области в Китай, в частности, за счёт ввода в строй межгосударственной ЛЭП 500 кВт «Амурская – Хэйхэ»; проект по сжижению природного газа «Ямал-СПГ», инвесторами которого являются Китайская национальная нефтегазовая корпорация и Фонд Шёлкового пути
Освоение месторождений полезных ископаемых	Освоение Берёзовского железорудного и Нойон-Тологойского полиметаллического месторождений
Переработка древесины	Завод по производству МДФ-плит в Томской области (AVIC Forestry); приобретение 42% акций RFP Group Российско-китайским инвестиционным фондом.
Строительство	Строительство «Башни Федерация» в Москве с привлечением China State Construction Engineering Corporation (CSCEC) и компании YUANDA
Торговля	Российско-Китайский инвестиционный фонд, соинвестором которого является Китайская инвестиционная корпорация, приобрёл 23,1% акций крупнейшей в России сети детских супермаркетов «Детский мир»
Промышленное производство	Совместный промышленный район «Канцзи» в г. Уссурийск; завод по производству материалов для солнечной энергетики в г. Чанчжоу; завод по производству бутадиен-нитрильных каучуков в Шанхае.
Сельское хозяйство	Проект комплексного освоения сельхозугодий в ЕАО с участием 22 предприятий из провинции Хэйлунцзян
Инфраструктура	Строительство железнодорожного моста через р. Амур на участке Нижнеленинское–Тунцзян (26 февраля 2014 г. состоялась торжественная церемония начала строительства); сооружение высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва – Казань»

Источники: составлено по данным [1; 6], а также http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_rus_projects/ и <http://www.russchinatrade.ru/ru/ru-cn-cooperation/investment>

Китая – Гонконг, США, ЕС, Япония, Республика Корея и Тайвань [8]. Российские инвесторы также вкладывают средства в данные отрасли, однако их объём не раскрывается, а часть средств поступает не напрямую, а через офшоры и другие территории с льготным налоговым режимом (Кипр, Британские Виргинские острова и Гонконг).

Китай является крупнейшим в мире экспортёром текстиля (35,6%), одежды (38,6%) и изделий из кожи (39,8%). В свою очередь, Россия в 2014 г. по объёму импорта текстиля заняла 14 место в мире (1,2%), одежды – 6 место (1,6%), изделий из кожи – 7 место (2,8%)¹.

Лидерство КНР в рассматриваемых товарных группах обусловлено переносом в Китай соответствующих производств из США, ЕС, Японии, Гонконга, Республики Корея. Иностран-

¹ <http://www.intracen.org>; <http://stat.wto.org>

ных инвесторов в первую очередь привлекла дешёвая рабочая сила, а также наличие местного сырья и – в перспективе – крупного рынка сбыта. В настоящее время стоимость китайской рабочей силы не столь низка, как в странах Южной и Юго-Восточной Азии, куда постепенно переносятся упомянутые производства. Так, в 2014 г. в Бангладеш почасовая ставка в швейной промышленности составляла 0,22 доллара (минимальное значение среди азиатских стран), в Камбодже – 0,33, во Вьетнаме – 0,38, в Индонезии – 0,44. В то же время в Китае – 1,08 (восточное побережье), а в России – 1,97 доллара¹. Нашей стране не стоит рассчитывать на текущий заниженный курс рубля, вследствие которого отечественная продукция стала более конкурентоспособной по цене; вслед за ведущими индустриальными странами ей необходимо расширять своё присутствие в АТР. Кроме того, встраивание в подобные сети осуществить гораздо проще и быстрее, чем в случае электронной или автомобильной промышленности.

Список литературы

1. Александрова М.В. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: вчера, сегодня, завтра // Российско-китайское сотрудничество в Северо-Восточной Азии: к устойчивому развитию и взаимному процветанию. Доклады международной российско-китайской конференции (Южно-Сахалинск, 10–11 октября 2011 года). М.: ИДВ РАН, 2012. С. 105–117.
2. Дёмина Я.В. Региональная торговля и производственные сети в странах Восточной Азии // Сборник научных статей XIV Международной научно-практической конференции молодых учёных «Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики». Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 391–394.
3. Досье: торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Вьетнамом. URL: <http://tass.ru/info/736259> (дата обращения: 28.07.2016).
4. Мазитова М.Г., Дёмина Я.В. Международные производственные сети: роль стран Восточной Азии // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 71–98. DOI: 10.14530/se.2017.1.071-098
5. Хейфец Б.А. Инвестиционное сотрудничество России и Вьетнама: новый этап // Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации». 2011. № 3. С. 4–17.
6. Чжан Г. Стратегические факторы экономического роста Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 43–52.
7. ASEAN Investment Report 2013–2014: FDI Development and Regional Value Chains. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2014. 234 p.
8. Bui Van Tot. Textile and Apparel Industry Report: Opportunities for Breakthrough. Hanoi: FPT Securities, 2014. 47 p.

References

1. Aleksandrova M.V. Russian-Chinese Investment Cooperation: Yesterday, Today, Tomorrow. In: *Russian-Chinese Cooperation in Northeast Asia: Toward Sustainable Development and Mutual Prosperity. The Reports of the International Russian-Chinese Conference (Yuzhno-Sakhalinsk, 10–11 October 2011)*. Moscow, 2012. Pp. 105–117. (In Russian)
2. Dyomina Ya.V. Regional Trade and Production Networks in East Asia. In: *Collection of Scientific Articles of XIV International Scientific-Practical Conference of Young Scientists «Development of Territorial Socio-Economic Systems: Theory and Practice»*. Ekaterinburg, 2016. Pp. 391–394. (In Russian)

¹ <http://www.ilo.org/ilostat/>.

3. *Dossier: Trade and Economic Cooperation between Russia and Vietnam*. Available at: <http://tass.ru/info/736259> (accessed 28 July 2016). (In Russian)
4. Mazitova M.G., Dyomina Ya.V. International Production Networks: The Role of East Asia. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2017. No. 1. Pp. 71–98. DOI: 10.14530/se.2017.1.071-098 (In Russian)
5. Kheifets B. A. Investment Cooperation of Russia and Vietnam: New Stage. *Vestnik federal'nogo byudjetnogo uchrezhdeniya «Gosudarstvennaya registratsionnaya palata pri Ministerstve yustitsii Rossijskoj Federatzii»* [Bulletin of the Federal Budgetary Institution «State Registration Chamber under the Ministry of Justice of the Russian Federation»]. 2011. No. 3. Pp. 4–17. (In Russian)
6. Zhang G. Strategic Factors of China's Economic Growth. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2015. No. 1. Pp. 43–52. (In Russian)
7. *ASEAN Investment Report 2013–2014: FDI Development and Regional Value Chains*. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2014. 234 p.
8. Bui Van Tot. *Textile and Apparel Industry Report: Opportunities for Breakthrough*. Hanoi: FPT Securities, 2014. 47 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Дёмина Я.В. Торговое и инвестиционное сотрудничество России и стран Восточной Азии // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 2. С. 46–53. DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

For citing:

Dyomina Ya.V. Trade and Investment Cooperation between Russia and East Asian Countries. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 46–53. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

МИНАКИР
Павел
Александрович

Академик, профессор,
доктор экономических наук,
научный руководитель
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

MINAKIR
Pavel
Aleksandrovich

Academician, professor,
doctor of economics,
scientific director
Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

minakir@ecrin.ru

© Минакир П.А.,
Дёмина О.В., 2017

УДК 339

РОССИЯ В АТР: РАЗВИТИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭНЕРГЕТИКЕ

Рассматриваются тенденции предложения и спроса в ключевых секторах энергетического комплекса России. Анализируются тренды и проблемы энергетического сотрудничества России со странами Северо-восточной Азии.

Энергетические рынки, внешняя торговля, проекты, энергоресурсы, география сотрудничества

RUSSIA AND THE ASIA-PACIFIC COUNTRIES: DEVELOPMENT AND COOPERATION IN THE ENERGY SECTOR

The article presents the tendencies of supply and demand in the key sectors of Russian energy complex. The researchers analyze possibilities and problems of cooperation in the energy sector between Russia and the Asia-Pacific countries.

Energy markets, foreign trade, energy resources, projects, geography of cooperation

Статья подготовлена на основе доклада, представленного на «17th Expert Working Group Meeting on Energy and Environment: Renewable Energy and Green Growth» (Гонолулу, Гавайи, 4–6 апреля 2017 г.).

ДЁМИНА
Ольга
Валерьевна

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

DYOMINA
Olga
Valeryevna

Ph.D. in economics,
senior researcher

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

demina@ecrin.ru

Введение

Повышенный интерес к топливно-энергетическому комплексу (ТЭК) обусловлен его значительной ролью в экономике России. Так, доля ТЭК в 2015 г. в ВРП составила свыше 18,5%, в структуре промышленного производства – около 44%, в объеме экспорта – 63%, в общем объеме инвестиций в основной капитал – 27%, в объеме налоговых поступлений в бюджет – 35%¹. Развитие ТЭК России определяется внешней конъюнктурой, доля экспорта в общем объеме произведенных первичных энергоресурсов в стране составляет около 40%. В результате наблюдается высокая зависимость макроэкономических показателей российской экономики от конъюнктуры на мировых энергетических рынках.

Традиционным направлением экспорта российских энергоресурсов является европейское направление, однако на протяжении последних 15 лет наблюдается наращивание поставок в страны АТР. При этом для традиционных центров добычи углеводородов характерно снижение объемов добычи, а развитие отраслей ТЭК связано со смещением производства в регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Начато широкомасштабное освоение ресурсов Дальнего Востока, в макрорегионе продолжается строительство соответствующей транспортной инфраструктуры. Именно спрос на рынках стран АТР выступал драйвером развития отраслей ТЭК Дальнего Востока на протяжении 2000–2015 гг.

Данная статья является обобщением работ авторов, посвященных анализу кооперации России и стран АТР в энергетической сфере [2; 3; 4; 5; 6]. В первой части статьи приведены характеристика текущего состояния и оценка перспектив сотрудничества в энергетической сфере России и стран АТР. Во второй части выполнен анализ сырьевой базы и инфраструктурной обеспеченности отраслей ТЭК Дальнего Востока.

Текущее состояние и перспективы сотрудничества в энергетической сфере России и стран АТР

Одним из основных направлений российского сотрудничества со странами АТР является энергетика. С начала 2000-х гг. приоритетным направлением национальной энергетической стратегии становится активизация энергетиче-

¹ http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978&limitstart=60; http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#; https://www.nalog.ru/rn27/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

ского сотрудничества со странами АТР, прежде всего Китаем, Японией и Республикой Корея. В 2000–2015 гг. в России произошёл более чем 12-кратный рост экспорта первичных энергоресурсов в восточном направлении, в том числе поставки угля увеличились с 12,8 до 51,7 млн т, нефти – с 1,5 до 65,5 млн т, природного газа – с 0 до 9,5 млн т¹. При этом доля восточного направления в экспорте российских энергоресурсов в 2015 г. составила: по углю – 34 %, нефти – 27%, природному газу – 10%². В дальнейшем предполагается увеличение поставок на азиатские рынки. Так, целевые ориентиры по доле восточного направления поставок российских энергоресурсов к 2030 г. составляют 19–20% для природного газа и 22–25% для нефти и нефтепродуктов³.

Можно выделить следующие наиболее перспективные направления сотрудничества российских энергетических компаний с партнёрами из АТР [1; 2; 4; 7; 10]:

- долгосрочные контракты на поставку энергоресурсов;
- проектное финансирование;
- поставки оборудования и сервисное обслуживание;
- совместное строительство инфраструктурных объектов (трубопроводы, электрические сети, дороги);
- участие в разведке и добыче углеводородов;
- реализация совместных проектов по добыче полезных ископаемых, строительству электростанций на территории третьих стран;
- совместные научно-технические разработки в области энергетики.

Однако существуют определённые ограничения для развития энергетического сотрудничества. Так, расширение поставок энергоресурсов на рынки стран АТР со стороны России может ограничиваться следующими факторами: недостаточным объёмом геологоразведочных работ; высокой стоимостью разработки месторождений и транспортировки энергоресурсов, требующей соответствующего уровня экспортных цен для возврата инвестиций; дефицитом инвестиционных ресурсов, обусловленным масштабом их привлечения для одновременной реализации нескольких капиталоемких проектов; отсутствием средств и технологий для разработки энергетических проектов в силу действия секторальных санкций со стороны ряда зарубежных стран; неразвитостью транспортной инфраструктуры⁴. Со стороны крупнейших экономик АТР факторами, сдерживающими увеличение объёмов поставок российских энергоресурсов на рынки данного региона, могут выступать: квотирование импорта энергоресурсов; высокая неопределённость цен на энергоресурсы и объёмов их поставок; усиление конкуренции поставщиков; протекционизм по отношению к национальным энергетическим компаниям; отсутствие магистральных трубопроводных систем и нерешённость вопросов транзита [3; 9; 10]. Развитие совместных научно-технических разработок может сдерживаться общим отставанием уровня отечественных энергетических технологий, за исключением отдельных направлений (например, в атомной энергетике). Развитие более сложных форм сотрудничества связано с формированием стратегических альянсов и обменом активами на уровне компаний. В данной ситуации ограничением выступает правило «симметричности позиций», то есть при допуске партнёров из стран АТР к активам по добыче и транспортировке углеводородов на

¹ <https://comtrade.un.org/data/>

² <https://comtrade.un.org/data/>

³ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ № 1715-р от 13 ноября 2009 г.).

⁴ Например, требуется реализация 14 проектов по развитию железнодорожной инфраструктуры для транспортировки угля в восточных районах РФ.

территории России необходимо предусмотреть участие российских компаний в проектах по разведке, добыче, транспортировке, подземному хранению, переработке и сбыту конечным потребителям на территории стран АТР.

Несмотря на наличие ограничений, на сегодняшний день все представленные формы сотрудничества осуществляются в различной степени. Максимальное развитие получило первое направление сотрудничества. Стабильно высокий спрос на энергоресурсы в странах АТР и возможности по диверсификации направлений экспортных поставок энергоресурсов обуславливают рост интереса российских энергетических компаний к рынкам данных стран. Наличие значительных запасов энергоресурсов, близость к рынкам сбыта¹ и диверсификация поставщиков обуславливают встречный интерес партнёров из АТР к российским энергоресурсам [4; 5].

Успешно реализуются долгосрочные контракты на поставку сахалинского СПГ в Японию (130 млн т за 20 лет) и Республику Корея (30 млн т за 20 лет). В последние годы подписан ряд долгосрочных контрактов на поставку российских энергоресурсов в Китай: 25-летний контракт на поставку 365 млн т нефти, 25-летний контракт на поставку 100 млрд кВт·ч электроэнергии, 30-летний контракт на поставку 1 140 млрд м³ природного газа. Но даже в данных условиях доля российских энергоресурсов в структуре импорта Китая, Японии и Республики Корея не превышает 10%.

Относительно прочих форм сотрудничества можно отметить, что доля участия зарубежных компаний в российских энергетических проектах составляет порядка 20%². Примерами совместных проектов с партнёрами из стран АТР могут служить: разработка ОАО «НК «Роснефть» и китайской компании КННК Среднеботуобинского месторождения (проект Таас-Юрях); строительство ОАО «НК «Роснефть» и китайской компанией КННК Тяньцзиньского НПЗ; 20%-ное участие китайской компании КННК в проекте ОАО «НОВАТЭК» «Ямал СПГ»; 20%-ное участие индийской нефтегазовой корпорации ONGC Videsh Ltd. в акционерном капитале проекта «Сахалин-1», подготовку к строительству которого ведёт ОАО «НК «Роснефть» в рамках проекта «Сахалин-1»; совместные российско-вьетнамские предприятия с участием КНГ «Петровьетнам»³.

Дальнейшие возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в страны АТР обусловлены прежде всего разработкой новых крупных месторождений энергоресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке и развитием соответствующей инфраструктуры. Для указанных макрорегионов характерна низкая степень разведанности и изученности сырьевой базы. Так, разведанность запасов углеводородов на Дальнем Востоке по нефти составляет 6%, по газу – 8%⁴.

Роль Дальнего Востока обусловлена, во-первых, масштабным освоением новых месторождений, во-вторых, использованием территории для транзита энергетических ресурсов из Сибири. В настоящее время около 40% от объёма первичных энергоресурсов, поставляемых на экспорт в восточном направлении, добывается на Дальнем Востоке. Остановимся подробнее на анализе текущей ситуации в отраслях ТЭК Дальнего Востока.

¹ Основные конкуренты России на рынках нефти и газа стран АТР – страны Ближнего Востока и Африки, угля – Австралия; расстояние поставок из этих стран в 2–5 раз превышает длину маршрутов транспортировки энергоресурсов из Восточной Сибири и Дальнего Востока.

² minenergo.gov.ru/system/download/3380/3170

³ <http://neftegaz.ru/analysis/view/8244-A.Novak.-Vystuplenie-na-11-y-vstreche-ministrov-energetiki-stran-ATES.-2-sentyabrya-2014-g-g-Pekin>.

⁴ <http://minenergo.gov.ru/en/node/5888>

Характеристика отраслей ТЭК Дальнего Востока

В отраслевой структуре ТЭК Дальнего Востока преобладают добывающие отрасли. По итогам 2015 г. суммарный объем добычи нефти, природного газа и угля составил 95 млн т¹, объем нефтепереработки, производства электрической и тепловой энергии – 44 млн т² (в 2,1 раза меньше). Объем производства первичных энергоресурсов на Дальнем Востоке к 2015 г. увеличился в 3,8 раза по сравнению с аналогичным показателем 2000 г., при этом масштаб внутреннего потребления практически не изменился и сохраняется на уровне около 35 млн т². Рост добычи энергоресурсов был обусловлен динамикой внешнего спроса, так как на экспорт отправляется свыше 50% добытых первичных энергоресурсов на Дальнем Востоке². Объем экспорта первичных энергоресурсов за указанный период увеличился в 8 раз и превышает 48 млн т².

На Дальнем Востоке можно выделить два основных центра добычи нефти и природного газа: Сахалинская область и Республика Саха (Якутия). В 2015 г. объем добычи природного газа составил 31,7 млрд м³, нефти и газового конденсата – 26,5 млн т³. Крупнейшими производителями углеводородов на Дальнем Востоке являются консорциумы «Сахалин-1» и «Сахалин-2», обеспечивающие свыше 50% добычи нефти и свыше 83% добычи природного газа в макрорегионе. По мнению экспертов, добыча нефти в макрорегионе практически достигла пика, что обусловлено выходом на проектную мощность основных разрабатываемых месторождений, прежде всего Талаканского. В свою очередь, перспективы развития добычи природного газа связаны со строительством магистрального газопровода «Сила Сибири», первоочередной ресурсной базой для которого предполагается Чаядинское месторождение, в настоящее время не разрабатываемое [9].

Переработку нефти на Дальнем Востоке осуществляют два крупных НПЗ – Комсомольский НПЗ (НК «Роснефть») и Хабаровский НПЗ (НК «Альянс»), а также два мини-НПЗ компаний «Петросах» и «Трансбункер». Общая мощность дальневосточных заводов в 2015 г. составила 12,8 млн т. Поскольку сахалинские проекты ориентированы на экспорт нефти в рамках соглашений о разделе продукции, сырьё для нефтепереработки в макрорегион поставляется из Уральского и Сибирского федеральных округов. Лишь незначительные объёмы нефти с сухопутных месторождений Сахалина поступают на Комсомольский НПЗ (до 2 млн т в год).

На Дальнем Востоке функционирует единственный в РФ завод по сжижению газа («Сахалин-2»). В 2015 г. было произведено 9,6 млн т СПГ⁴. В связи с нерешённостью проблем сбыта свыше 10 млрд м³ природного газа закачивается обратно в пласт [9]. Газ, который не задействуется в производстве СПГ и не закачивается обратно в пласт, по системе трубопроводов направляется на рынки Сахалинской области, Хабаровского и Приморского краёв. Основными потребителями газа являются электростанции (67%).

Добыча угля ведётся во всех дальневосточных субъектах РФ (за исключением ЕАО). Объем добычи в 2015 г. составил 38,4 млн т. К основным производителям можно отнести пять организаций, на долю которых приходится порядка 66% суммарной добычи угля в макрорегионе: ОАО ХК «Якутуголь», ОАО «Ургалуголь», ОАО «Приморский уголь», ООО «Эльгауголь», АО «Амуруголь». Объем переработки угля на Дальнем Востоке в 2015 г. со-

¹ Тонн условного топлива.

² По данным официальной таможенной статистики; по экспертным оценкам доля экспорта составляет 65%.

³ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

⁴ http://dvtu.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18551:-2015-&catid=63:stat-vnesh-torg-cat&Itemid=282

ставил 12,6 млн т [8]. Уголь, добываемый на Дальнем Востоке, используется в основном дальневосточными потребителями, до 75% от объёмов потребления приходится на электростанции.

На Дальнем Востоке функционирует около 4,8 тыс. электростанций и более 1 000 предприятий, осуществляющих теплоснабжение. Производство электроэнергии в 2015 г. в регионе составило около 51,1 млрд кВт·ч, тепловой энергии – 60,3 млн Гкал. Средний коэффициент использования установленной электрической мощности электростанций ДФО составляет 43%, тепловой мощности ТЭЦ – 35%¹. Особенности электроэнергетики ДФО являются отсутствие связей с Единой энергосистемой России, наличие технологически изолированных энергосистем и районов децентрализованного энергоснабжения. Основными потребителями электроэнергии являются промышленность, население и железнодорожный транспорт, тепловой энергии – население.

К числу наиболее важных проектов, определяющих возможности и ограничения по экспорту энергоресурсов, относятся: шельфовые проекты о. Сахалин, нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» (1-я и 2-я очереди), экспорт электроэнергии в Китай, Эльгинский угольный комплекс, заводы по производству СПГ (г. Владивосток, Дальневосточный СПГ (о. Сахалин)), газопровод «Якутия – Хабаровск – Владивосток» («Сила Сибири»), нефтехимический комплекс в Приморском крае, Амурский газоперерабатывающий завод. В отдалённой перспективе рассматривается создание электротехнического объединения «Азиатское суперкольцо», одним из первых элементов которого может стать объединение энергосистем о. Сахалин и Японии².

Большая часть из указанных проектов уже вышла на проектные мощности. Текущие обязательства по экспорту российских энергоресурсов обеспечены соответствующей инфраструктурой, а дальнейшее наращивание поставок потребует её расширения. Так, текущая пропускная способность нефтепровода ВСТО используется на пределе (по итогам 2014 г. загрузка составила 96,8%). К 2020 г. планируется увеличение мощности ВСТО-1 до 80 млн т, ВСТО-2 – до 50 млн т, нефтепровода «Сковородино – Мохэ» – до 30 млн т³. Уголь на экспорт транспортируется по железной дороге, при этом резерв её пропускной способности уже исчерпан; одним из наиболее загруженных участков является направление от Кузбасса к дальневосточным портам. Существующая мощность дальневосточных портов по перевалке угля составляет порядка 50 млн т. Для обеспечения увеличения экспортных поставок в страны АТР требуются создание новых и реконструкция действующих угольных терминалов в восточных портах, согласованные с расширением сети железных дорог Восточного полигона. Все указанные мероприятия предусмотрены «Долгосрочной программой развития угольной промышленности России на период до 2030 г.» [3].

Экспортные возможности по поставкам природного газа из России в АТР сейчас ограничены мощностью завода СПГ и отсутствием газопроводов. В настоящее время в стадии строительства находятся следующие проекты: газопровод «Сила Сибири» и Амурский газоперерабатывающий завод. Общая протяжённость газопровода составит около 3 тыс. км, а проектная мощность – 61 млрд м³ газа в год. Строительство газопровода начато в сентябре 2014 г., по состоянию на 1 января 2017 г. проложено 700 км, планируемый срок завершения строительства – 2019–2020 гг. Так как природный газ месторождений Республики Саха (Якутия) характе-

¹ <http://www.rao-esv.ru/shareholders-and-investors/main-indicators/>

² Подробнее см. в [1; 2; 5; 7], а также: http://aperc.ieeej.or.jp/file/2015/11/27/FinalReport-APERC-Electric_Power_Grid_Interconnection_in_NEA.pdf

³ Распоряжение Правительства РФ № 816-р от 6 мая 2015 г. «Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области федерального транспорта (в части трубопроводного транспорта)».

ризуется многокомпонентным составом, то для выделения ценных компонентов газа строится Амурский ГПЗ. Проектная мощность завода по переработке составит 42 млрд м³ природного газа в год, ввод в эксплуатацию запланирован на 2021 г.¹

Заключение

Несмотря на реализацию рассмотренных проектов, не ожидается существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынках стран АТР. Проведённый анализ подтверждает выводы, полученные авторами ранее: российские энергоресурсы ещё только «входят» на энергетические рынки стран АТР, сталкиваясь со сложившейся структурой конкурентных взаимодействий. При этом для рынков углеводородов стран АТР характерна высокая степень монополизации [4; 5]. Масштабное увеличение поставок российского газа в АТР представляется маловероятным в силу сжатия ёмкости рынка². Китай, крупнейший потребитель угля в рассматриваемом регионе, сокращает спрос, в результате чего наблюдается усиление конкуренции со стороны местных (китайских) производителей угля и поставщиков из Индонезии и Австралии, имеющих преференции, поэтому расширение товарной ниши для российского угля также маловероятно [2].

Указанные тенденции на рынках первичных энергоресурсов подтверждают тезис о том, что усилению конкурентных позиций для России могут способствовать вывод на рынки стран АТР продуктов более высокой степени переработки и создание новых товарных ниш на основе технологического лидерства [5]. Кроме того, существующие каналы поставок российских энергоресурсов на рынки стран АТР задействованы практически на пределе, а строительство новой энергетической инфраструктуры требует высоких затрат и в то же время создаёт дополнительные риски для российской стороны из-за значительной рыночной власти покупателя³.

Ожидания прироста региональных макропоказателей, индуцированных проектами по созданию транзитной инфраструктуры, могут быть завышены в силу того, что все крупные предприятия ТЭК не являются региональными резидентами, что приводит к перераспределению финансовых результатов от их деятельности за пределы Дальнего Востока. Существующая система налогообложения также направлена на концентрацию природной и экспортной ренты на уровне федерального бюджета. Таким образом, возможности развития макрорегиона за счёт физического наращивания объёмов экспорта энергоресурсов практически исчерпаны. Данный тезис получил количественное подтверждение. Были выполнены оценки последствий для экономической системы Дальнего Востока изменений объёмов производства и экспорта энергоресурсов. Для расчётов была использована разработанная в ИЭИ ДВО РАН модель экономических взаимодействий Дальнего Востока с включением детализированного блока ТЭК. Были оценены эффекты переориентации поставок энергоресурсов с внутреннего на внешний рынок и в обратном направлении, а также последствия изменения мировых цен на энергоресурсы [6]. В случае ограничений по экспорту энергоресурсов приоритетное удовлетворение спроса на уголь за счёт собственных ресурсов приведёт к приросту ВРП, а в случае нефти – наоборот. Региональные макропоказатели более чувствительны к изменениям цен нефти, газа и нефтепродуктов, чем к изменениям цен электроэнергии и угля. Полученный результат объясняется долей экспорта в структуре производства энергоресурсов. При снижении цен на все энергоносители до 15% и росте цен до 10% наблюдается незначительный отклик ВРП. Максимальный рост ВРП достигается при увеличении цен на газ на 25%, на нефтепродукты – на 20%,

¹ <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/amur-gpp/>

² <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8435.pdf>

³ Подробнее см. в [2; 5], а также: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8435.pdf>

на нефть – на 200%. При определении чувствительности региональных макропоказателей на изменение внешних цен энергоносителей значимыми являются ограничения по обязательному обеспечению энергоресурсами внутреннего спроса, степень загруженности существующих мощностей и степень влияния внешних цен на стоимость энергоресурсов, потребляемых внутри макрорегиона.

Список литературы

1. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее / Под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
2. Дёмина О.В. Поворот на Восток: риски и возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в Китай // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 47–55. DOI: 10.14530/reg.2016.6
3. Дёмина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 4. С. 21–30. DOI: 10.14530/reg.2015.4
4. Дёмина О.В. Сотрудничество России и стран АТР в энергетической сфере // Пространственная экономика 2012. № 2. С. 136–138.
5. Дёмина О.В., Новицкий А.А. Энергетические рынки стран АТЭС: возможности для России // Пространственная экономика 2012. № 3. С. 55–78. DOI: 10.14530/se.2012.3.055-078
6. Захарченко Н.Г., Дёмина О.В. Моделирование экономических взаимодействий в системе «энергетика – экономика»: опыт Дальнего Востока // Пространственная экономика 2015. № 1. С. 62–92. DOI: 10.14530/se.2015.1.062-092
7. Стратегия развития топливно-энергетического потенциала Дальневосточного экономического района до 2020 г. Владивосток: Дальнаука, 2001. 112 с.
8. Таразанов И.Г. Итоги работы угольной промышленности России за январь – декабрь 2015 года // Уголь. 2016. № 3. С. 58–72.
9. Эдер Л.В., Филимонова И.В., Моисеев С.А. Нефтегазовый комплекс Восточной Сибири и Дальнего Востока: тенденции, проблемы, современное состояние // Бурение и нефть. 2015. № 12. С. 3–12.
10. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2007. 208 с.

References

1. *The Eastern Vector of Russia's Energy Strategy: State of the Art and Prospects*. Ed. by N.I. Voropai, B.G. Saneev. Novosibirsk, 2011. 368 p. (In Russian)
2. Dyomina O.V. Turn to the East: The Risks and the Possibilities of Increasing of Russian Energy Export to China. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2016. Vol. 3. No. 6. Pp. 47–55. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2016.6
3. Dyomina O.V. Russian Energy Resources to the Markets of the Asia-Pacific Region: The Development of Export Infrastructure. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 4. Pp. 21–30. (In Russian) DOI: 10.14530/reg.2015.4
4. Dyomina O.V. Energy Cooperation between Russia and the Asia-Pacific. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2012. No. 2. Pp. 136–138. (In Russian)
5. Dyomina O.V., Novitskiy A.A. The Energy Markets of the APEC Countries: Opportunities for Russia. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2012. No. 3. Pp. 55–78. (In Russian) DOI: 10.14530/se.2012.3.055-078

6. Zakharchenko N.G., Dyomina O.V. Modelling Energy–Economy Interactions: The Far East Experience. *Prostranstvennaya ekonomika* = Spatial Economics. 2015. No. 1. Pp. 62–92. (In Russian) DOI: 10.14530/se.2015.1.062-092
7. *The Strategy of the Development of Fuel and Energy Potential in the Russian Far East Economic Region up to 2020*. Vladivostok, 2001. 112 p. (In Russian)
8. Tarazanov I.G. Russia's Coal Industry Performance for January – December 2015. *Ugol'* [Coal]. 2016. No. 3. Pp. 58–72. (In Russian)
9. Eder L.V., Filimonova I.V., Moiseev S.A. The Oil and Gas Industry in Eastern Siberia and the Far East: Trends, Challenges, Current status. *Burenie i neft'* [Drilling and Oil]. 2015. No. 12. C. 3–12. (In Russian)
10. *Economic Cooperation between the Russian Far East and Asia-Pacific Countries*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2007. 208 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Минакир П.А., Дёмина О.В. Россия в АТР: развитие и сотрудничество в энергетике // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 2. С. 54–62. DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

For citing:

Minakir P.A., Dyomina O.V. Russia and the Asia-Pacific Countries: Development and Cooperation in the Energy Sector. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 2. Pp. 54–62. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2017.2](https://doi.org/10.14530/reg.2017.2)

Regionalistica [Regionalistics]

2017 Vol. 4 No. 2

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФС77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhoookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 725-225
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2017

The Editorial Staff

Editor-in-Chief: *A.N. Demyanenko*,
Doctor of Geography, Professor

A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
O.M. Prokapalo, Doctor of Economics (Deputy Editor-in-Chief,
Khabarovsk, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)
Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
A.P. Goryunov, Ph.D. in economics (Khabarovsk, Russia)
A.A. Kireev, Ph.D. in political science (Vladivostok, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir*,
Academician RAS

V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)